

Вкус утекающей воды

16+

Олег Денисов

Олег Денисов

Вкус утекающей воды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51143517

SelfPub; 2020

Аннотация

Сначала я написал длинную аннотацию с указанием необычных героев и событий, в расчете привлечь к своей книге легковесного читателя. Но редактор сказала: "Твоя книга – это книга-диалог". Диалог – это всегда интонация. А интонация – это уже совсем непростое чтение. Вся наша жизнь – это диалог. Весь вопрос с кем мы его ведем. Для оформления обложки использована иллюстрация автора.

Содержание

Глава 1. Деревня называлась Попадалово	4
Глава 2. Кукушкин	16
Глава 3. Рыбная ловля	27
Глава 4. Лицо древесины твёрдых пород	33
Глава 5. Электроцит	40
Глава 6. Любовь к еврейской нации, шпионы и тонкости марксизма	55
Глава 7. Научно-познавательный пир	74
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. Деревня называлась Попадалово

Деревня называлась Попадалово. Церкви не было, остатков барского дома я тоже не обнаружил. Вряд ли в таких глухих лесах во времена Чичикова жил помещик, по фамилии Попадалов. Видимо название было исторически «говорящим» и оправданным. По словам Таволги, все коренные жители деревни носили фамилию Драчиловы, остальные, процентов десять, были «попавшими», т. е. приезжими. Когда очередной Драчилов призывался в Армию, смешки и шутки заканчивались на первом же построении – из строя выходил, если уж не Илья Муромец, то, по крайней мере, Алёша Попович. А сама фамилия происходила из какого-то древнего, давно забытого, промысла. Похожего на заготовку лыка, но липы как таковой в этих лесах отродясь не было.

Ненадолго расставшись с Таволгой, мы с Сашей устремились в местный коопторг. Вывеска была темно-зелёного цвета с черными буквами: «МАГАЗИН». И даже ударение угадывалось – било точно в центральную «А». Но все равно не передавало содержание. Мне бы очень хотелось повесить над входом другую, более весёлую табличку, типа: «Пункт местных новостей», и водить туда туристов. За деньги, конечно.

Мы попали в магазин моего детства, когда я проводил всё

лето в деревне у бабушки. Ничего не изменилось: тот же запах деревянного прилавка, хлеба и мышей; та же атмосфера. Сюда приходят «потрындеть». А что-нибудь купить – так, для отвода глаз. В основном, все не спеша покупали буханку свежее испечённого хлеба и не торопились уходить. Стоя в короткой очереди, я, не отводя глаз, смотрел на буханку белого хлеба в метрах полутора от меня, за прилавком. И осязал, как запах от неё поднимается вверх и плавно плывёт ко мне. Прикрыв глаза, я уже почти начал кусать её хрустящую корочку. Но Саша был со мной в контрапункте. Пока я пытался сэкономить на покупке хлеба, он начинал закипать. Перед нами отоваривалась баба Маня. О, это была настоящая садистка! Она размножала кошачий хвост путём деления его на беличьи кисточки для рисования. Уже трижды баба Маня начинала расплачиваться с продавщицей, и каждый раз вспоминала то про кусочек селёдки, то про кусочек колбаски. И все начиналось сначала. Первый раз, когда надежда растворилась прямо перед носом, Саша только поперхнулся. Видимо решил, что случайность. На второй раз Саша издал гортанный звук, что-то среднее между матом и глотанием слюны. На третий раз случилась конвульсия, как будто Саня получил под дых. Он не мог смириться с тем, что десять человек до, а возможно и десять человек после, а возможно уже и никого, что было ещё обиднее осознавать, пришли просто купить хлебушка. А нам, три дня надкусывающих одних пеньки, досталась баба Маня! И Саша не выдержал. Он

начал издевательски интересоваться: «А что это Вы, бабуля, сухариков не прикупили?» В ответ баба Маня посмотрела на него умными ясными глазами и сказала: «И правда? А чё это я не прикупила?!» И прикупила. Саня стал меньше ростом. Я с надеждой смотрел на переполненный полиэтиленовый пакет бабы Мани, но она с ловкостью фокусника извлекла ещё один из какого-то интимного места. Прикинув её платёжеспособность, я понял, что и тут надежды никакой. Она покупала все, но ровно по 75 грамм, и больше времени уходило на то, чтобы все это взвесить, запаковать и обсудить. Я уже не хотел кушать, я с ужасом наблюдал, как Саша косится на топор у печки, посреди магазина. И баба Маня не успела уйти на очередной виток...

Продавщица встретилась со мной взглядом, записала на бумажке набранные очки и попросила бабу Маню чуток передохнуть в нашу пользу. Та охотно согласилась, ей было о чем поболтать с подружками. И мы начали закупаться! Голод не тётка, голод Дядька! Александр скупил все, что не успела забрать баба Маня. Она же в свою очередь, активно и по-матерински ему помогала. Голосом почтальона Печкина: «Вон ту печенинку возьми, сынок, уж они вкусные – не пожалеешь. Вот ту «консерву» с красной этикеткой – мы все её берём». Я был отстранён от этого творческого процесса. Я кормил наши худые рюкзаки, мысленно вспоминая переполненный пакет бабы Мани, и косился на прилавок. Отсутствие алкоголя в магазине меня насторожило сразу – не бы-

ло даже пива. Я осторожно начал выведывать информацию о местном сухом законе. Получил лаконичный ответ: «Текила», и продавщица ткнула пальцем на нижнюю полку, уставленную трёхлитровыми банками без опознавательных знаков. А я решил, что это берёзовый сок. Идиот! В деревне полмагазина уставлено берёзовым соком?! И что не молоком. Но чтобы избавиться от последних сомнений, я заискивающе, почти шёпотом поинтересовался: «А сколько градусов-то?». Ответ прозвучал фирменно гордо: «Не менее сорока пяти»! Я вздохнул с облегчением – точно не сок.

Саша и баба Маня расстались со слезами на глазах, действительно от ненависти до любви один шаг. Саша оставил всему магазинному «клубу» гербарий из засохшего зефира, в качестве презента. И напоследок заметил продавщице, что хранение топора в общественном месте «все-таки» нарушение техники безопасности. А я-то решил, что мне показалось. Уже на пороге, краем глаза и мочкой уха я наблюдал, как баба Маня с удвоенной энергией заходит на новый виток: «... а заверни-ка мне вон тех, «глазастеньких»...»

Мы вышли на окраину, где собирались новые срубы, и расположились на брёвнах.

– Не знаю, что там у них теперь с планом продаж, – сказал я, – но то, что ты скупил все неликвиды, это точно. Зачем ты купил чечевицу?

– Че-гоо? – затянул Саша, – не брал я никакой чечевицы.

– Это, по-твоему, греча или горох? – Я вытащил из рюкза-

зака пакет килограмма на два и предъявил Саше.

– Нехорошо получилось, – помрачнел Саша, – оставил американского шпиона без еды...

Поняв, что самое время наливать, я наполнил из трёхлитровой банки наши кружки до философского уровня «полупустой-полуполный». Очень хотелось пить и неважно чего. По цвету жидкость, и в самом деле, напоминала текилу и приятно пахла яблоками.

– Сань, это пить вообще можно?

– Главное торопиться не надо!

Он протянул ко мне свою кружку, мы воспроизвели звон колокольчика среднего размера, и залпом осушили «чарки». Через несколько минут Сашу отпустило. Видя это, я начал разговор:

– Если бы я не знал, что ты месяцами живёшь вдали от семьи, я бы порекомендовал тебе навестить жену.

– Ну, на самом деле, это не так. Но я и сам, как раз об этом думаю. До Голубых озёр тебя проводит Таволга, отсюда совсем недалеко осталось, а я за это время съезжу в Пыру, иначе, не дай бог, убью тут кого-нибудь в аффекте.

– Давай, а то суд потом не примет во внимание, что на момент преступления, подозреваемый был голоден во всех отношениях. И эффектно зарубил старуху Изергиль топором близко к тексту.

После третьей кружки Саша опять начал сожалеть про чевицу, связывая это как-то с дружбой народов. Пили мы до

самого вечера небольшими дозами с перерывами на отдых и разговор. Закусывали острым консервированным перцем из стеклянной банки и хлебом. Получалось о-о-очень экономно. Не помню, что я ему рассказал про себя. Но то, что рассказал он, я хорошо запомнил.

По моим расчётам, произошло это в эпоху видеомагнитофонов и первых персональных компьютеров, работающих на «Виндусе». Саша, как раз имел нужное образование и занимался сборкой этих самых компьютеров. Сначала сам, потом организовал небольшую фирму. В Пыре конкурентов не было, но рынок был ограничен в силу отсутствия денег у сограждан. Но «бум» на местном уровне, был очень сильный. Он рассказал, что один из самых крутых компьютеров в Пыре он обменял на корову. Корова была настоящая, мычала и даже давала молоко. Не без сложностей ему удалось пристроить её теще. Та была провинциальной интеллигенткой в «осьмнадцатом» поколении. Сначала она решила, что корова – это «троянский конь» и первое время все ждала, когда же её разорвёт. Но постепенно освоилась. И корова стала, чуть ли не основным доходом семьи, а зять самым умным человеком во всей Пыре. Тёща до сих пор держит коров, и всегда даёт им одно и то же имя «Виндуся», в память о корове-праматери. «А могла бы называть ласково «Шуриками», – сказал Саша, и я не разобрал, то ли это шутка, то ли обида.

Затем он развернул свою деятельность в областном центре, но там таких «шуриков» было уже много. Саша отли-

чался от них умом и отсутствием «сообразительности», поэтому народ ему доверял, и дела шли неплохо. А потом пришли «москвичи» с прямыми поставками комплектующих из Азии. И с интернетом. И Саша решил не становиться последним индейцем и зарядил новый проект! Обогнав время лет на двадцать! Это сейчас все говорят о материализации желаний, только ленивые не пишут книги и не создают собственные методики. «Умный Шурик» создал программу «Центр решения ваших проблем» в то время, когда сама идея была в области фэнтези. Откуда родилась эта идея – Саша не раскрыл первоисточник. Методика была следующая. Сначала индивид определял свои желания и заносил их в компьютер, а потом должен был каждый день в определённое время заходить в программу, и тем или иным образом повторяя, подтверждать свои желания и мечты. Суть была в том, чтобы заставить конкретного человека не забывать о своих желаниях. Функция тренера (или учителя) – заставить ученика сделать определённое кол-во определённых упражнений, которые ученик знает и без тренера. Но без тренера достичь результата, как правило, не хватает терпения, усидчивости, силы воли и ещё, бог знает чего. Машина и играла роль тренера. А методику Саша постоянно совершенствовал и придумал все новые и новые элементы и упражнения, вплоть до создания изображения желаемого. Визуализация называется. Но самым удачным ходом Саша считал придуманную им зелёную полоску эффективности. Пользователям сначала

казалось, что она напрямую зависит только от регулярности занятий и отсутствия пропусков. Но добившись регулярности в занятиях, они начинали верить в её мистическую силу и как зачарованные следили за её ростом, означаящим приближение к мечте. По словам Сашы, алгоритм вычисления «зелёной полоски» на самом деле был достаточно сложен и регулярно подвергался дополнительным апгрейдам. «Центр решения ваших проблем» существовала в двух видах: можно было заниматься «онлайн» на сайте, только интернета почти ни у кого тогда не было. Только в организациях, но там большей популярностью пользовались порносайты. Можно было скачать автономную версию или купить диск. Первый вариант был более продвинутым, Саша постоянно над ним работал и совершенствовал. По его словам, он даже не читал, чего кто там хочет, а добивался только того, чтобы пользователь как можно глубже погружался в свою мечту. На диске была упрощённая версия, но диски расходились неплохо. Так как идея была оригинальной, программа становилась модной в узких кругах интеллектуалов, полагающих, что они-то уж точно знают, чего им надо, и узколобых, которым, кроме кучи баксов, ничего не придумывалось. У последней группы терпение и настойчивость были в дефиците, но и претензий, за редким исключением, никаких. По вопросам претензий и эффективности программы я расспросил Сашу с особым пристрастием. По первому пункту, он сказал, что он не джин и не колдун. Хотя возможно и шаман. Никому ничего

не обещал и не гарантировал. Свою программу он позиционировал как механизм достижения цели. У него даже было что-то типа слогана: «Я дал вам велосипед – теперь рулите и крутите». Но результат был, по его словам, фантастическим. Через полгода занятий, человек вплотную приближался к своей «большой» мечте. Если женщина хотела выйти замуж, то к этому времени у неё уже появлялся мужчина в качестве достойного претендента. Если мужчина мечтал о своём деле, через полгода он регистрировал своё ЧП или закупал аппарат самогонварения в качестве первого оборудования. Более мелкие цели, как повышение заработной платы, статистически достоверно срабатывали через три месяца. Реальные деньги программа стала приносить после того, как Александр вышел на мировой уровень – создал версию на английском языке. Но более впечатляющую статистику он собрать не успел, меньше чем через год Сашу «закрыли», причём буквально. Он попал под следствие и чудом избежал тюрьмы. Одна из его клиенток попросила программу «хочу, чтобы мужа не было», и мужа через две недели не стало, зарезали в подъезде собственного дома. И случилось это не где-нибудь, а в самой Пыре. Женщина во всем обвинила Сашу, доказывая, что она не это имела в виду. Рассказывать следователям о материализации желаний было бессмысленно. И деньги они в то время ещё не брали, по крайней мере, на местном «пырском» уровне. Но Сашу спасло то, что в момент совершения преступления он физически был в об-

ластном центре и мог выступать только как организатор. Но убивать человека из-за 300 рублей (столько стоила версия программы) было экономически нецелесообразно. Следователи это понимали. Когда же, Саша представил доказательства, чего хотела та женщина, ей пришлось забрать своё заявление. По любому, она стала выступать в качестве заказчика. Следователи посоветовали Саше покинуть Пыру и в то же время быть у них на виду, формально оставаясь подозреваемым. Настоящий преступник должен был решить, что Александр испугался и в бегах, его ищут, а ему самому ничего не угрожает. Так Саша, вместо того чтобы стать интернет олигархом, стал егерем Пырского района. Через четыре года та женщина вышла замуж за бывшего зека, который в бытность свою людей резал как поросят. Ещё через два года его все-таки посадили, а женщина скрылась в неизвестном направлении, боясь мести родственников своего первого мужа. Саша ещё несколько лет по привычке продолжал скрываться. Единственное, о чем он до сих пор жалеет, это о Таблице. Менделеев создал таблицу Менделеева в химии, а Александр создал свою, «таблицу Новикова». Это был классификатор для интернета. Он уверен, если бы он успел, Интернет не превратился бы в помойную яму. Вся информации была бы разложена по разделам и полочкам как в библиотеке. Идея была простая и до сих пор лежит на поверхности. Прежде чем плюнуть или попросту «наложить» в интернет, любой пользователь должен был бы ввести код из классифи-

катора. Без присвоения кода информация не могла покинуть локальную сеть и попасть ни в одну поисковую систему. Мусор, флуд оставался в вашем помойном ведре, и провайдеру это было бы не выгодно. Опять же, сущность человека, по словам Саши, в том, чтобы «наследить» так, чтобы все видели и знали – «Киса и Ося здесь были!». Границы чата или форума? Это не наш масштаб. Нам бы заср...ть всю... или зафлудить всё! Короче, Александр был уверен, что все это работало «если бы». Классификатор был крайне простой, разделы делились на темы, темы на подтемы, и все эти ответвления были построены по единому принципу. В случае не совсем верного выбора кода тебя могли легко поправить другие пользователи. На мой вопрос, а можно ли это сделать сейчас, Саша ответил: «Вряд ли, сейчас цель всех, кто оккупировал Интернет, зарабатывать большие деньги, а нашёл ты нужную информацию или не нашёл, а самое главное, как быстро нашёл, это вопрос второстепенный. Мы тебя отправили к трём миллионам ссылок, мы тебя завалили информацией, теперь ищи заветную иголку. А вопрос достоверности информации в интернете – это, вообще, вопрос без ответа.

Один человек написал статью, тысячи её переписали своими словами и срубили своё бабло. Копирайтинг называется. И теперь поисковик отправляет тебя на разные сайты читать сотни версий одной и той же статьи. И ты вязнешь в этом дерьме. Тут Мы с Александром поспорили. Я стал доказывать, что интернет честнее, чем, например, телевидение

или пресса, потому что нас много, всех не купишь и большинство из нас «плюя» в интернет, пытается все же сохранить честное лицо. Саня в ответ, сказал, что я глубоко заблуждаюсь. Когда речь идёт о телевизионном канале или газете, мы не всегда знаем, кому он/она принадлежит, но всегда догадываемся, чьи интересы она выражает. И в любой другой стране знают про каждую свою газету или телеканал. Поэтому процесс фильтрации упрощается. В интернете все намного сложнее. Мы никогда не знаем, кто кому и за что заплатил, кто и чьи интересы представляет, кто слил информацию и достоверна ли эта информация. Механизм манипулирования общественным мнением в этой среде сложнее, но эффективность выше в разы. Особенно в нашей стране, где пресса умерла вместе с перестройкой, а телевидение просто гниёт.

Очередной тост получился грустным. Сначала мы традиционно собрались было выпить за то, что «трава зелёная, вода мокрая, а жизнь г-вно». Но потом решили, что отсутствие позитивной нотки в конце, я бы сказал отсутствие надежды, не даёт нам право на подобное словоблудие. И мы втрём: я, Саша и Жванецкий; придумали более жизнеутверждающий тост: «Мир многогранен, информация не свободна, но что с человеком не делай, он упорно ползёт на кладбище!» Мы выпили торжественно стоя, не чокаясь как на поминках, в этот момент Михаил Маньевич временно отсутствовал.

Глава 2. Кукушкин

Ближе к вечеру нас отыскал Таволга. Мы были ещё живы и даже успели поспать на брёвнышках. Он отвёл нас в дом, принадлежащий охотхозяйству, где Таволга числился старшим охотоведом. Вместе с Таволгой в доме жил дед Кукушкин. Крепкий старик в чёрной жилетке из свалывшейся шерсти. Он вёл все хозяйство в доме: закупал продукты, убирался, варил обед и кормил собак, которых, впрочем, не было. Из-за роговых очков он напоминал бухгалтера. В самом деле, он помогал Таволге вести документооборот охотхозяйства, но сам в лес практически не ходил, так как изначально был городским ребёнком. Таволга представил его нам, как Васильича. Васильич был очень приветлив, хитро улыбался и сразу же усадил нас за стол. О, это была настоящая еда! Варёная целиком картошка, пышущая паром, и солёные чёрные грузди со сметаной. По поводу грибов, Васильич сказал, что нам повезло – это последняя заначка из погреба и уже скоро новый урожай. В ответ Таволга что-то пробурчал типа, какой нафик урожай, если сам за грибами не ходишь. Он поужинал раньше и теперь сидел с нами за столом, листал журнал «Охота и охотничье хозяйство» за 1972 год и уговаривал на десерт банку джема из каких-то южных урюков. Выпить с нами он отказался, как выяснилось, он совсем почти не пьёт.

– Как это?! Непьющий Главный охотовед! Да так не быва-

ет, – наигранно возмущился Саша, – ты что, тоже шпион?

– Нет, я просто женюсь.

– На Елене?!

– На Елене.

Саша не смог удержаться, он пошёл вприсядку по избе:

– Ай, да Таволга, ай да су... ай да су-37... ай да молодец!

Андрей наливай по края! И ведь молчит негодяй! Как я дружище за тебя рад!

– Главное, не надо торопиться, – передразнил я его.

Я был крайне удивлён, Саша для меня в эмоциональном плане воспринимался медлительным толстокожим слоном, а тут второй раз за день такой фонтан! Он подскочил к столу, и мы выпили за здоровье Таволги и Прекрасной Елены. Затем Саша начал вытягивать из Таволги подробности. Подробности упирались изо всех сил и выходили из Таволги неохотно. Мне, непосвящённому в местный бомонд, это было совсем неинтересно. И я начал расспрашивать Кукушкина про местные достопримечательности. Несмотря на то, что мы изрядно выпили, разговор поначалу у нас не клеился. Я начал расхваливать местную текилу – как замечательно, что её делают из яблок, а не из агавы. «Зуко», – поправил меня Кукушкин. Я точно не помнил, как правильно называется мексиканский кактус, и не стал спорить. Затем я начал расхваливать человека, который первый в деревне придумал добавлять в самогон яблоки, и поинтересовался у Васильича, не знает ли, как его звали. Кукушкин с прищуром улыб-

нулся и ответил: «Думаю, что Зуко». Потом я начал интересоваться местным сортом яблок, который используется в самогоноварении, и снова получил тот же ответ: «Зуко». А я сказал, что мне кажется, что это Антоновка. А Кукушкин сказал, что это точно «Зуко». И тогда я понял, что Кукушкину я не нравлюсь и сменил тему: «А кто такая Елена?». И приготовился снова услышать в ответ: «Зуко». Но не услышал. Старика как подменили. Вместо того чтобы долдонить «зуко, зуко...», Кукушкин поправил очки.

И я успел рассмотреть его очки. Это была сложная оптическая конструкция из многочисленных частей, скреплённых между собой проволочками, крючочками и даже перевязанных в отдельных узлах нитками. Так же я заметил следы пайки, лужения и капания расплавленной пластмассой на дужки очков. Но некоторые применённые технологии так и остались для меня загадкой.

Итак, Васильич, по фамилии Кукушкин, поправил очки и интеллигентным голосом торжественно объявил: «Елена Эрвиновна, учитель русского языка и словесности в нашей школе». От такого перехода мои очки подпрыгнули и стали спускаться по переносице. Чтобы пресечь на корню битву оптических устройств, я в наступившей тишине бесшумно наполнил стаканы и проникновенно произнёс: «Заа-а здо-о-о-ровье Елены Эрвиновны». Я не попутал буквы отчества, и Кукушкин одобрительно хмыкнул. Саша, не оборачиваясь к нам, наощупь сгрёб со стола свой стакан и виртуозно описал

им в воздухе мёртвую петлю. Нам с Кукушкиным пришлось слегка подсуетиться, чтобы наши траектории совпали. Но стыковка прошла успешно, и мы дружно поправили здоровье уважаемой Елене Эрвиновны, в ущерб своему. После этого Васильич стал добр ко мне и велеречив. На мой вопрос, как в такой небольшой деревне (128 дворов – *ист. Справка*, но видимо больше) может вообще быть учитель русского языка? Максимум начальная школа?! Он в подробностях описал, что учеников возить некуда. Можно было бы конечно на вертолёте. Но керосина нет. И вертолёта, кстати, тоже. Поэтому решено было создать полноценную Попадаловскую среднюю школу. Я вспомнил, что, когда плывал на байдарках, в селе Мериново видел вывеску «Мериновский клуб», но вслух не стал проводить параллели. В школе работает всего четыре учителя. Нина Николаевна, учитель начальных классов. Елена Эрвиновна, кроме литературы и языка, она преподаёт историю и географию. Директор школы, Аркадий Романович Швиндлерман, преподаёт математику, физику, трудовое обучение и английский язык; умнейший человек, но по совместительству американский шпион. И Джуди (она же Фиджи, она же Фудзи – я не запомнил) Нина Васильевна, преподаватель биологии, химии и лабуды: физры, НВП/ОБЖ, эстетического воспитания и прочего, названия меняются, но суть остаётся. Васильич снова удивил меня глубоким знанием предмета.

– У вас там внуки учатся? – поинтересовался я.

– Нет.

– Дети?! – необдуманно предположил я, но чего в жизни не бывает.

– Да ты чё! – возмутился Кукушкин, – мои дети старше тебя, да и внуки, наверно, есть. Я член попечительского комитета школы! – И после небольшой паузы добавил, – а с семьёй я расстался лет тридцать назад, целенаправленно. Я вечный уголовник, «попадаловец», я до сих пор сидеть должен. Когда я первый срок мотал, жена меня ждала. А я вышел и тут же «обратно зашёл». Тогда я понял, что это навсегда. Нечего другому человеку жизнь портить, если сам неудачник. В одностороннем порядке прекратил все контакты.

Из меня чудом не вылетело: «Уголовник-рецидивист – член попечительского комитета или совета школы?!», но моё лицо произвольно состроило какую-то рожу. И Васильич сам все подробно объяснил.

Причина всех причин – прекрасная Елена Эрвиновна (она же Елена Владимировна, для упрощения). Когда она появилась в школе, на родительские собрания стали ходить одни папы. Потом мамы испугались за пап и, стали сопровождать пап на собрания. Так в Попадалове родилась традиция – на родительское собрание всей семьёй. И обязательно празднично одетыми, как в театр. В школе было всегда два класса: класс начальной школы и класс средней школы. Обычно старшие дети в семье учились в среднем классе, млад-

шие братишки и сестрёнки соответственно в классе начальной школы. И чтобы родителей не вызывать дважды, придумали проводить общешкольное родительское собрание. Но из-за возросшей популярности данного мероприятия, ни одно помещение в школе не могло вместить всех желающих. Поэтому на одном из собраний было принято решение собственными силами пристроить к школе новый актовъ зал. Председатель лесхоза выделил делянку, и работа пошла. В тот момент Васильич и стал главным архитектором в силу своего трудового эковского опыта. По случаю удачного завершения строительства состоялись: праздничное шествие, бразильский карнавал, уничтожение запасов текилы, народное гуляние, подкидывание Кукушкина в воздух и 3-х дневная забастовка (три дня никто не выходил на работу, включая председателя лесхоза). На четвёртый день он появился в конторе, в течение двух недель подтянулись и остальные. Родительский комитет был переименован в попечительский, и в него вошли самые уважаемые люди. Этот орган занимается исключительно хозяйственным обеспечением работы школы. Свадебным генералом в нем является председатель лесхоза, а Васильич – главным паровозом. Так умный Швиндлерман, используя красоту прекрасной Елены Владимировны, спас Кукушкина и ему подобных лишенцев от дальнейшем деградации личности и потери духовности. Поднял отношение к образованию в деревне на невероятную высоту. С тех пор строительство школы не останавли-

валось. По словам Васильича в планах были комната отдыха для учителей, библиотека, новый спортивный зал, бассейн... хоккейная коробка... тир... публичный дом... джакузи... – Моя голова кружилась от выпитого... «поле для гольфа, поле для гольфа, поле для гольфа, поле... для гольфа, поле... для... гольфа..., для... гольфа... для... гольфа... поле...»

К сожалению, я не умер. Васильич растолкал меня и потащил на кухню пить чай. После нескольких глотков поле с лунками покинуло мою голову, глаза вылезли на лоб, а я выскочил на улицу. Черные грузди со сметаной таки вырвались на волю и исчезли в темноте. Вернувшись на кухню, я ощутил себя бодрым, здоровым и даже голодным. Только глаза долго не хотели возвращаться со лба на привычное место. Когда они вернулись, я рассмотрел, что чай в моей кружке был практически чёрного цвета.

– Лучше бы ты мне сразу конопли дал покурить, – угрюмо сказал я Кукушкину.

– А чего? – искренне удивился он, – тебе моя замутка не понравилась?

– Да меня от крепкого чая мутить сразу начинает, а тут чифирь какой-то...

– Привычка, извини. Другого не держим. Сейчас я тебя ущицей угощу, – примирительно сказал Васильич и начал возиться с электроплиткой.

Пока уха в кастрюле медленно разогревалась, Васильич

рассказал, почему он теперь не ходит в лес:

– У нас тут две местные достопримечательности: климатическая станция и дурдом в Кривом яре. До Кривого яра километров 30-35 по прямой. Поговаривают, что там два отделения. В одном отделении сидят обычные психи. Их даже выпускают гулять по селу, привлекают к хозяйственным работам. Я сам наблюдал как два болезных катали друг друга в тележке, выданной им для перевозки дров. Родовались и визжали они как дети. Безобидные ребята. Второе отделение закрытое, и даже, по слухам, засекреченное. Содержат там уродов, откуда они их берут – я не знаю, может после опытов каких. Таволга один раз плутанул и вышел случайно на дыру в заборе... Три дня, потом молчал, чтобы не заикаться. Слава богу, обошлось, но вспоминать не любит. Вообще, если бы не Таволга, я так и думал бы, что слухи. А потом случилось и со мной. Правильно говорят, какого лешего я тогда в лес попёрся. И ушёл то я недалеко от деревни – вёрст пять или семь, может чуть поболее. Осень тогда только началась, деревья уже окрасились, но ещё не облетели. Было как-то пасмурно и темно среди деревьев. Вдруг впереди среди ветвей вижу здоровенное оранжевое пятно. Не птица. Клён? Но клён, когда выкрашивается, он как бы светится, а тут цвет матовый. Палатка?! Но откуда ей посреди леса? Осторожно крадусь вперёд и вижу – на опушке стоит высокая фигура в оранжевом плаще и капюшоне. И я слышу, как он дышит! Очень мне страшно стало, вот сейчас обернётся ко мне, и

увидю я, что у него там, в капюшоне... «Стой, – кричу грозно, пытаюсь испугать собственные мурашки, – сейчас ножки!» А он подпрыгнул и начал взмахивать руками. Понарошку, как дети, когда изображают порхающую бабочку или птичку. У меня отлегло от сердца, ну думаю, псих из психушки, до нас добрался. И в этот момент он отрывается от земли, принимает горизонтальное положение, вытягивает руки в стороны, как крылья у самолёта, и летит! Вернее, беззвучно улетает. Там как раз, что-то вроде заросшей просеки было: две стены деревьев, а между ними узкий прогал. Вот по этой прямой линии он от меня и улетучился. Теперь я в лесу ни ногой. Ты второй, кому я это рассказал, поэтому давай – держи язык за зубами.

– Васильич, на каком расстоянии от земли находилось тело? – задумчиво спросил я.

Васильичу вопрос не понравился. Он даже попытался взбрыкнуть, в надежде тоже взлететь, но я пресёк его попытку:

– Дело в том, что в Индии существует племя женоненавистников, которые умеют висеть в воздухе. Здоровенные голые мужики бегают по джунглям с палками и умерщвляют свою плоть. Что в данном случае означает слово «плоть», я не знаю. А вечером они садятся у костра, курят какую-то травку, а потом парят. Я читал об этом. Судя по описанию не выше метра от поверхности земли и на одном месте. Поэтому, если ты скажешь, что твой Рыжий Плащ пошёл на взлёт

как самолёт, я тебе не поверю. Но если ты скажешь, что расстояние от земли до тела оставалось одним и тем же, это будет более достоверно. Поэтому давай не подведи.

Старик задумался:

– Я думаю, что не было там никакого тела...

– А кто же тогда дышал? В плаще? – вспомнил я.

– Умерщвлённая плоть! – Васильич выпучил глаза и рассмеялся. Потом добавил:

– Я не хочу, чтобы моя фамилия изменилась с Куку, на А-уу, поэтому в лес я больше не ногой. И знаешь, если как следует «пыхнуть» – главное знать, чем. Я бы тоже попарил.

Видя, что Кукушкин сожалеет о том, что доверился мне, я попытался сгладить ситуацию и закатил бред о геомагнитном поле Земли. Я вставил в неё все обрывки знаний, какие нашёл в своей голове. Начал с Ньютона, которому на голову упало яблоко, но Ньютону яблоко не досталось, яблоко съела Ева, из-за этого полюса на Земле стали меняться местами и рай улетел. Зато наступил секс.

Как Ньютону удалось появиться раньше секса?

А это заслуга Альберта...

– Гитлера что ли? – возмутился Кукушкин.

– Гитлера звали Адольфом, Альбертом звали Эйнштейна.

Он создал теорию относительности, и мир стал относительным: где лево, где право, где верх, где низ – не поймёшь. И все завертелось с новой силой! – меня несло.

Меня так несло! Я готов был доказать все что угодно и

опровергнуть все что осталось. Кукушкин, слушая меня, начал пить. Пил он по алгоритму: стаканчик текилы – стаканчик чифиря, стаканчик текилы – стаканчик чифиря и далее по образцу. У меня в висках стучало в такт: «угробишь старика – угробишь старика...» Но я не мог остановиться. Я обязательно должен был рассказать, как пришёл Гей-Люссак со своим законом. Вопрос о том, как это отразилось на земном притяжении, я виртуозно обошёл. Самого закона я тоже не помнил, мне просто нравилась фамилия. Затем я вспомнил ещё несколько красивых имён: Бойль и Мариотт, Джордано Бруно, Леонардо ди Каприо, Бонч-Бруевич. Все они должны были занять достойное место в моей теории полётов в одном метре от уровня земли. Но Кукушкин меня остановил. Он молча встал, открыл шкаф, вытащил из него какое-то орудие убийства, взвёл курки и приставил дуло к моему лбу. Я почувствовал приятную прохладу металла, руками аккуратно сдвинул ружье в сторону и прижался разгорячённым лбом к металлу ствола.

– Да ты не бойся, – миролюбиво сказал Васильич. – Прошу к столу, уха готова.

Глава 3. Рыбная ловля

Когда с ухой было покончено, за окном уже брезжил рассвет.

– Ну что ж, друг мой, пора на рыбалку, – бодро произнёс Васильич.

– Мне хоть бы полчаса поспать, – взмолился я.

– Да ты че! Сейчас самый клёв начнётся, – возмутился Васильич.

– Лучше убей меня прямо сейчас. За любовь к знаниям, – искренне попросил я. И почему-то представил, как я гордо стою на костре в окружении толпы многочисленных Кукушкиных.

– Не могу, – спокойно ответил Васильич, – тогда рыбалка сорвётся.

– Я не пойду, иди один, – решительно заявил я.

– Как это не пойдёшь?! Да ты только что сожрал всю мою рыбу! – возмутился Кукушкин. И по интонации я не разобрал: шутит ли он или говорит серьёзно. Но крыть было нечем, за гостеприимство надо платить, и я поплёлся за стариком. Про себя я думал: «Почему ему не встретился водяной, или русалка, например. Сидели бы сейчас дома? Вряд ли! Тогда бы ему привиделся Домовой, и мы бы уже описывали круги вокруг дома, паля из ружья. Нет, надо бросать пить». В этот момент я протаранил лбом балку в темных се-

нях. Раздался страшный треск. «Привет, рыбки!» – облегчённо воскликнул я и приготовился терять сознание. Но Кукушкин не дал мне расслабиться.

– Вернёмся с рыбалки, будешь менять балку! – грозно заявил он. И мы вышли во двор.

– Васильич, сегодня ты обогатил мой жизненный опыт, – сказал я (и Кукушкин не был удивлён). – Теперь я знаю, как люди убивают друг друга во время распития крепких спиртных напитков мексиканского происхождения. Сначала один выносит мозг, а затем второй выносит ему за это мозги.

Васильич воздержался от комментариев. И мы достигли сарая. Он выдал мне сапоги. Сапоги были специальные: короткие, чуть выше щиколотки и очень тяжёлые. «Чтоб не всплывал» – пояснил Васильич. Но мне было все равно. Я не собирался ни прыгать, ни взлетать и тем более не всплывать. Сила земного притяжения тянула меня к себе невероятно. А Кукушкин взвалил мне на плечо здоровенный бредень со словами: «Вот наше ситечко». Я, конечно, не думал, что мы пойдём с Кукушкиным ловить рыбу «на червячка», но чтобы так?! И причём тогда разговоры про «самый» клёв, если мы идём ловить бреднем.

Я не понял, что тяжелее. Отрывать ноги в «свинцовых» сапогах от земли, или тащить этот чёртов бредень. По дороге я предложил Васильичу:

– Давай ещё кого-нибудь позовём, вдвоём таскать бредень – это застрел!

– А кого мы позовём? – искренне удивился Кукушкин, – все на работе.

– На какой, на хрен, работе?! В деревне даже петухи ещё не проснулись! – возмутился я.

– Хватит орать. Люди ещё спят, – спокойно согласился со мной Кукушкин.

Когда мы добрались до водоёма, картина была приблизительно следующая. Впереди бодро вышагивающий Кукушкин, с песней «Мы в город Изумрудный идём дорогой трудной». Сзади я, в виде тени, стелющейся по земле.

Водоёмов было несколько, все они были маленькими; местные жители называли их баклушами. Видимо за круглую форму. Бить баклуши мне так и не довелось, пришлось цедить их «ситечком». Хитрый Кукушкин шёл вдоль берега, а меня загонял в центр водоёма. Роста мне явно не хватало, а тяжёлые сапоги тянули ко дну. Я честно заходил на максимальную глубину. Начиная захлёбываться, втыкал шест бредня в ил и потом висел на этом шесте, чтобы не утонуть, пока Васильич описывает дугу. Ему это явно не нравилось, но в сложившейся ситуации он ничего не мог со мной поделать. Его призывы «тащи, тащи» я игнорировал и огрызался в ответ. Самое сложное было возвращаться на берег. Мало того, что нужно было вытащить за собой палку с бреднем, надо было умудриться не оставить в иле сапоги, размер которых превышал мой на несколько пунктов. Васильич, который ещё и Кукушкин, в этот момент грозно кричал: «Держи

ровнее, держи ровнее». Вот сволочь!!!

Утонуть я, слава Богу, не успел – Кукушкин выдохся первым. Он с сожалением посмотрел на оставшиеся две баклуши, которые мы не успели окучить, потом на два ведра, полные карасей, потом на небо и величественно изрёк:

– Однако хватит.

Снимая ненавистные сапоги, я поделился с ним мечтой:

– Васильич, я теперь хочу украсть из зоопарка кенгуру. И подарить его тебе.

– Зачем? Мне не надо кенгуру, – задумчиво ответил Васильич.

– Надо. Ты нацепишь на него эти сапоги – только привязывай по сильнее. А на спину бредень. И пусть прыгает для тебя по дну. А я спать.

Мне снился сон. Мы с Кукушкиным выловили Золотую рыбку. Она почему-то напоминала мелкого пингвина, но совершенно точно была золотая. И заговорила она человеческим голосом... Но на «Старче» Васильич обиделся и решил её съесть. Мы с ним поругались. Я желал возжелать три желания, а Кукушкин кричал, что никогда ещё не пробовал пингвиньего крылышка.

– Да от него же рыбой пахнет! – пытался я его урезонить.

– А мы что, по- твоему, тут ловили?! – продолжал орать Васильич.

Затем он неожиданно затих. Приблизил свою голову и

влез ко мне в мозг.

– Андрей, – сказал он очень тихо и вкрадчиво, уже внутри моей черепной коробки, – да у тебя тут нет желаний...

Это был утренний кошмар! Как нет желаний?! Передо мной Золотая рыбка, а у меня нет желаний?!

– Да ты не переживай, раз нет желаний, значит Золотой рыбке сегодня просто не повезло, – продолжал нащёптывать внутри меня Кукушкин.

«Хорошо, что хоть эха вроде нет...», – с некоторым облегчением подумал я и проснулся. Приоткрыв глаза, я действительно увидел склонённого надо мной Васильича, призывающего меня к очередным испытаниям. Спросонья я скомандовал ему что-то типа: «А ну покинь мою кастрюльку разума!», но он не понял. Я окончательно проснулся, сел в траве и сказал:

– Эх, Васильич, ещё бы пара минут – и у тебя уже была бы живая Кенгуру.

– Эх, Андрей, – укоризненно посмотрел в мою сторону Васильич, – не живёшь ты моими интересами. Забирай рыбу, и поехали. Завтракать пора.

Оказалось, что пока я спал, Васильич уже подогнал какую-то «мотопомпу с прицепом», сложил туда бредень и бредовые сапоги. Оставался только я, мой бред и рыба.

Я встал, подцепил ведра и тут с удивлением увидел, что очередная партия рыболовов-любителей уже бороздит «пи эр в квадрате». Методика была несколько иная, результата

никакого, а лица унылы. «На самом деле, клёв кончился? Да какой клёв! Васильич всю рыбу вдоль берега вышагал. Кого не поймал, испугал до смерти» – пришёл я к заключению.

– Эй, мужики! – закричал я с берега, – бреднем это неспортивно! На удочку надо ловить! На удочку-ууу! На червя! Клёв зверский! – и поднял над головой два ведра полудохлых карасей.

Глава 4. Лицо древесины твёрдых пород

За завтраком Александр смущённо сообщил, что вести меня к орланам пока совершенно некому. Именно сегодня у него появилась единственная возможность съездить в Пыру, а Таволга женится. И хотя, тот совсем не против, составить мне компанию, лучше не отвлекать его на финишной прямой: вдруг сбежит или заблудится. Таволга, в свою очередь, пообещал мне во время отсутствия Александра устраивать обзорные экскурсии по местным достопримечательностям. А Кукушкин? Кукушкин тоже обрадовался, что я остаюсь. И моё душевное спокойствие улетучилось. За последние двенадцать часов он меня сначала чуть не убил, потом чуть не утопил. Александр вернётся через неделю, и это самый оптимистичный прогноз. Шансы мои невелики...

Чтобы задаром не пропадать, я сделал официальный запрос о наличии присутствия черных груздей в моей тарелке и запасов сметаны на неделю. «Ноу проблем, Андрюша» – также радостно доложил Васильич, что в переводе с кукушкинского означало «олл райт, Христофор Бонифатьевич, век воли не видать!» И в качестве подтверждения своих мирных намерений огласил меню на неделю: люляки баб, омары в красной бормоте и свиное рыло на посошок. В конце спис-

ка числился сладкий поминальный компот. Но Кукушкин об этом не упомянул.

Звук захлопнувшейся за Сашей двери ещё не успел отразиться от стен, а Кукушкин уже объявил: «Идём менять балку в сенях!» Он переверорошил вверх дном всю избу в поисках рулетки, но нашёл только калькулятор «Электроника» и мрачно на него уставился.

– Калькулятор тоже может быть единицей измерения, – не удержался я, – но тогда лучше счёты, у них длина длиннее. Васильич, может у тебя есть счёты?

– Счёты у меня только с тобой, – явно враждебно ответил Васильич и полез в шкаф, служивший ему оружейной комнатой.

Отрезать себе язык, посыпать голову пеплом или сразу сигать в окно? После трудностей и лишений, которые я перенёс за ночь, и сытного завтрака голова отказывалась соображать. Мысли водили хоровод: отрезать, посыпать, выпрыгнуть; отрезать, посыпать, выпрыгнуть. Чего отрезать, где посыпать и куда выпрыгнуть? Но Кукушкин оказался проворней, он выудил со дна оружейного шкафа старинную рулетку размером со сковородку среднего калибра. Я поначалу даже решил, что это магазин от какого-то пулемёта.

– Васильич, ты, наверное, с ней Беломорканал построил? Или ДнепрогЭС? – снова не удержался я, – как раз от берега до берега хватит.

– А может и построил, – гордо ответил Васильич. И мы

пошли поднимать сени.

Сделав необходимые измерения, и прихватив с собой топор войны и пилу дружбы, мы зашагали к ближайшему оврагу. Там Васильич выбрал самую кривую берёзу. Предсказуемо дерево упало в прямо противоположную сторону от задуманного. Нам пришлось продирааться по склону оврага через кусты, чтобы расчленить берёзу на нужные части. В конце концов, мы вытащили на опушку два бревна, отпиленных строго по меткам Васильича, взвалили их на плечи и пошли к дому.

«Берёза относится к твёрдым сортам древесины, её плотность около 650 кг на один куб (при относительной влажности 12-15%)».

Но только что спиленная, она очень тяжёлая!

«Берёзу в основном перерабатывают в шпон и фанеру».

Я в который раз перекинул бревно с одного плеча на другое.

«Из неё изготавливают рукоятки топоров и кувалд, а также приклады автоматов АК-47, АКМ и АК-74».

Старик давно обогнал меня и нёс своё бревно с лёгкостью, будто это черенок от лопаты, а я чувствовал, что мой позвоночник сейчас треснет. Мне было очень стыдно.

«Древесина берёзы – это отличные дрова. Из-за высокой плотности их рекомендуется сушить около 1,5 лет. Сухие берёзовые дрова горят красивым голубоватым пламенем, почти не искрят и выделяют приятный запах из-за содержа-

щихся в них эфирных масел».

Пот лил с меня ручьями, дыхание сбилось, ноги заплетались и меня тошнило.

«При повышенной влажности, без специальной защиты, древесина берёзы легко поражается грибами и быстро загнивает».

Но я не мог сдаться. Собрав все нервные импульсы в электричество одного провода, я ринулся вдогонку. План был такой. Обогнать. Благородно предложить: «Сэр, не желаете ли передохнуть». И упасть замертво. Обгоняя, Васильича на последнем вздохе, я заметил какую-то асимметрию в наших брёвнышках. Я притормозил. Когда передний конец бревна Васильича поравнялся с моим ухом, задний конец сравнялся с концом моего бревна! «Оптический обман», – решил я и остановился. Васильич радостно продефилировал вдоль моего уха, напевая: «Я-майка, Я-майка...» Но когда задний конец его бревна достиг того же самого уха! Моего уха!!! Передняя часть его бревна, вместе с Васильичем, ещё не успела достичь начала моего бревна?! В проекции Васильич вместе со своим брёвнышком дважды умещался в тени моего бревна!!! Оптика страшная сила. Но я устоял.

«Древесина берёзы отличается высокой прочностью, стойкостью к ударным нагрузкам и однородностью структуры».

Васильича я простил. Вернее, поверил, что он не специ-

ально.

– Да это все из-за этой древней рулетки, на ней все цифры стёрты» – оправдывался он.

– Рулетка эта – Вещь! Благодаря ей Днепрогэс построили, – я старался быть великодушным.

– С помощью неё, дай бог, коровник в Кривом Яре построили, – признался Васильич. – И, вообще, если Вещь пошла по рукам, это уже не вещь.

В конце концов обоих брёвен, мы пришли к совместному заключению, что ошибка произошла из-за того, что все измерения производились среди кустарника вне зоны прямой видимости. И без чьего-либо злого умысла. Но тащить бревно дальше, я категорически отказался и отправил Васильича за мотопомпой. Васильич вернулся достаточно быстро. Без мотопомпы, сердитый, бубня себе под нос: «Жлобы и недостаток электричества нас погубит». Зато он прикатил тачку времён Гражданской войны. Такие обычно в кино показывают. Я подкинул Васильичу идею создать в школе музей трудовой и боевой славы, два экспоната уже есть: рулетка, с помощью которой Днепрогэс построили и тачка времён Гражданской войны. Он задумался.

Благодаря нашей Дружбе, мы получили сразу три бревна, погрузили их в тачанку и погромыхали в сторону деревни. Васильича я недооценил: по дороге мы заехали на пилораму, и нам тут же выпилили из наших кривулук три прекрасных ровных бруска.

– А нельзя ли было сразу взять готовые бруски здесь? – поинтересовался я у Васильича, оглядывая территорию пилорамы, заваленную всяческим древесным разносолом, – Их тут как из ружья?!

– Нельзя! Ты что забыл, что я курирую строительство школы? – Васильич был категоричен. – Стоит мне взять хоть лучинку, и я потеряю лицо.

– Уважаю, – я пожал Васильичу руку.

Вот чем оказывается, я тут занимался – обеспечивал Васильичу макияж?!

– Давай, в следующий раз, просто купим. За деньги. – Предложил я.

– Да ты чё! Какие деньги?! Я же фактически бомж! У меня даже пенсии нет. Я же зэк!

«Да... не у каждого человека есть лицо», – подумал я, – «а у этого старого рецидивиста, в роговых очках, есть. Очки и лицо, лицо и очки, и больше ничего».

Оставшуюся часть дня мы посвятили замене балок в крыше сеней. Васильич был удивлён, обнаружив во мне необходимые навыки. Я ему рассказал, что у моей бабушки на окраине города был садовый участок и ещё дядя Слава, её сын. У дяди Славы были золотые руки, он умел все. Поэтому пилить, строгать и забивать гвозди, я начал видимо раньше, чем ходить. А сейчас у меня дача, где я оттачиваю мастерство, приобретённое в грудном возрасте. Ещё, я чуть не рас-

сказал Васильичу о родовом проклятии по мужской линии, но вовремя остановился, решив, что он использует информацию в своих корыстных интересах. Тем более что его сени были в плачевном состоянии и нуждались в капитальной реконструкции. Три балки, которые мы заменили, были как мёртвому лангет. Котлета из продолговатого кусочка мяса.

– А давай я тебе свет в сени проведу, пока никто не убился, – предложил я, ощупывая твёрдую поверхность новой балки.

– А не спалишь? – засомневался Васильич.

– Это как? – не понял я.

– Ну как! Короткое замыкание, и нет избы?!

– Васильич, электричества бояться – телевизор не смотреть. Мы подведём провода к лампочке с двух разных сторон. Нулевой и фазовый провод нигде пересекаться не будут. Никакого короткого замыкания.

– А длинного? – спросил Васильич. И я не понял: шутит, дебил или без запятой?

– Это уже электросварка называется. Тебе надо что-нибудь варить? – поинтересовался я. – Кроме ухи, конечно. Трубы, арматура, коленвал у тачки...

– Рыба!!! – Васильич подпрыгнул. – За мной!

Вечер мы посвятили переработке пойманных карасей.

Глава 5. Электроцит

На следующее утро Васильич был крайне любезен по отношению ко мне. За завтраком предложил мне даже кофе. Кофе оказался крайне горьким.

– Это из ячменя что ли? – поинтересовался я.

– Из корней одуванчика, – ответил Васильич.

Я знал этот рецепт. Корни одуванчика режутся на узкие полоски, высушиваются, а потом обжариваются на сковородке подобно кофейным зёрнам. Внешне напиток – полная иллюзия кофе, на вкус – какое-то желчегонное средство. Но Таволга пил его с удовольствием и даже попросил ещё кружечку.

– Ты что подсел? – спросил я у него тихо, пока Васильич вышел на кухню.

– Нет, – прошептал мне на ухо Таволга, – я просто стимулирую его на прополку огорода.

И я тоже попросил добавки, пытаюсь поддержать Таволгу. «Даже, если после этого Васильич погонит меня добывать корни одуванчиков, это лучше, чем ловить рыбу и вытаскивать бревна из оврага».

Васильич рассказал Таволге о моем плане электрификации всех сеней. И Таволга его поддержал. Расспросив меня о необходимых материалах, они обсудили проблему между собой. И пришли к выводу, что надо идти к электроциту.

Я был в полнейшем замешательстве! Интеллигентный Илья Муромец по прозвищу Таволга и хитроумный Попович, которому лучинку стырить стыдно, идут бомбить электрощит! И я, похоже, тоже в деле, как технический специалист.

Таволга заметил мой тремор и расхохотался.

– Не колотись, Андрей, – сказал он. – Электрощит – это не ящик, это человек. Главный энергетик климатической станции. Прозвище у него такое. Сейчас мы с тобой пойдём с ним знакомиться. Это будет первая обещанная мной экскурсия.

– Отлично! Впоследствии я обязательно издам мемуары «Деревня Попадалово и её обитатели: Таволга, Кукушкин и Электрощит» – съязвил я.

– У нас тут много интересных персонажей, – поддержал мой план Васильич.

Тропа к климатической станции вела через лес и поднималась все выше.

– Андрей, хочу тебя предупредить, пока мы ещё не пришли – начал Таволга. – Климатическая станция секретный объект.

– Ни хрена себе! И зачем мы туда прёмся? – возмутился я. – Вы, блин, луноход в кустах найдёте, так и тот разберёте на выключатели.

– Ты все неправильно понял, – ласково успокаивал меня Таволга.

Таволга был кремень!!! Уж на что Сашка поражал меня

своим спокойствием, только голод чуть не превратил его в Раскольникова. Таволга же вообще не реагировал на внешние раздражители. По легенде Илью Муромца тоже никак не могли поднять с печи. Да и вообще, мой жизненный опыт говорит – все здоровые мужики добрые, их надо только регулярно кормить.

– Охрану сняли в конце перестройки. Позже станцию совсем обесточили, – продолжал Таволга. – Не растащили её только потому, что сама деревня в своё время тоже входила в режимный объект. И люди там до сих пор сознательные, своё не разрушают. К тому же коренное население деревни – староверы, а у них свои морально-этические принципы.

– А ты сам местный? – поинтересовался я.

– Нет, я попал сюда по распределению после охотоведческого факультета.

– Значит ты не Драчилов? А че тогда такой здоровый? – подсознательно, меня мелкого, угнетала такая концентрация богатырей на единицу поверхности Земли.

– Это совпадение, – рассмеялся Таволга. – А фамилия моя Старовойтов.

– А имя?

– Это долгая история, зови меня Таволгой.

– А Кукушкина?

– А Кукушкина только Кукушкиным. Другие варианты его бесят, – пояснил Таволга. – Ты знаешь, что он бывший зек, и бывает крайне неуравновешенным?

– Уже знаю. А ты не мог бы предупредить об этом заранее. Он чудом меня не убил! Ты, когда нас знакомил, назвал его Васильичем, я его с тех пор так и зову. А он-то оказывается Кукушкин! – распалялся я. – Да ты знаешь, что он сделал с Золотой рыбкой, когда она назвала его «старче»?!

– Чего? – не понял Таволга про рыбку.

– Забудь, – осёкся я.

– Понимаешь, – продолжал Таволга, – если человека сразу предупредить, что Кукушкин уголовник и псих, человек ведёт себя неадекватно.

– Прекрасно понимаю! – ирония переполняла меня, и даже самому было стыдно за собственное ерничанье.

– Они начинают или бояться, или лебезить. Как правило. А Кукушкину это не нравится.

– Интересно, а что ещё можно ожидать от людей после такого предисловия? – удивился я.

– А вот ты ему сразу понравился, – продолжал Таволга, полностью игнорируя мои комментарии. – Я его ещё не видел таким.

– Каким? – спросил я, чувствуя, что польщён.

– Общительным, и даже болтливым.

– Постой, – я попытался остановить Таволгу. – Я знал, что Кукушкин – зек и с ним надо «поаккуратнее». Саша меня сразу предупредил. Правда, мы с Кукушкиным быстренько набрались, отмечая будущую свадьбу. И я все забыл. Потом он меня чуть не убил. Опять же, правда, было за что. Потом

мы клевали невод. Или наоборот? Потом мы починяли сени, и это тоже было весело... Однако какую насыщенную жизнь мы с ним вели, – подвёл я итог. И сам удивился сделанному выводу.

– Вот видишь, – улыбнулся Таволга. – Кукушкин – мужик правильный. Я же навёл справки, прежде чем взять его на работу: ни убийца, ни насильник, ни вор. Вспыльчивый. Сначала последние деньги, что были в кармане, хотел отдать какому-то баянисту за искусство. А тот возмутился: «Да я! Да я народный артист. А ты мне свою мелочь суешь?!» После этого баянист получил по лицу, а Васильич – первый срок. И дальше, по накатанной, такая же нелепица. Однажды даже сидел за кого-то, за деньги, чтобы материально поддержать семью. Только с семьёй расплатились фальшивыми долларами. Когда, наконец-то, это выяснилось, заказчика наказали, но отношения с семьёй были окончательно разрушены. И ни денег, ни семьи.

Тропа неожиданно вынырнула из леса на открытое пространство. И я должен был воскликнуть: «Фан-тас-тикааа!!!» Вместо этого я воскликнул: «Ни хрена себе!»

Мы вышли точно на угол. В обе стороны от нас вдоль кромки леса уходил сетчатый забор с колючей проволокой. Однако дальней границы я рассмотреть не смог. Тёмная полоска леса как будто угадывалась, но это было недостоверно. И над всем этим пространством высоко над землёй висела паутина проводов. Их было так много, что, отражая сол-

нечный луч, они дробили его на миллиарды лучиков, которые слепили глаза. Это напоминало игру солнца, отражённого поверхностью реки. А может северное сияние, которое я никогда не видел. Пока я любовался этой феерией, Таволга любовался моей реакцией.

– И это называется климатической станцией? – поделился я своими сомнениями. – Не так я себе это представлял. Игрушечные домики на курьих ножках, в которых живут термометры. Всякие коротышки, на которые дует ветер. А это что? Локатор? – я указал на конструкцию цвета хаки, расположенную в углу забора.

– Это прожектор, – пояснил Таволга.

– Это прожектор?! – удивлённый я продолжал удивляться, – да в нем жить можно! Им что, освещали обратную сторону Луны? А сейчас его включают?

– Да нет, я же тебе уже рассказывал; станцию обесточили в конце перестройки, некому стало платить за электричество. Сначала сняли охрану, а потом и все остальное.

– Слушай, а может, я теперь буду жить в этой «лампе»? – предложил я. – Кукушкин будет меня навещать, приносить мне черные грузди в сметане, картошку. Придёт, потрёт лампу. Я выползу через люк и исполню любое его желание. Хошь на рыбалку, хошь добывать корни одуванчика. Я, вообще, с детства люблю электричество.

– Вот ты сейчас это с Электрощитом и обсудишь. Он здесь хозяин.

Пока мы шли вдоль забора, я рассмотрел детали. Вдоль всего забора тянулся ров, конечно, уже весь заросший, но кое-где на дне просматривалась вода. Сам забор был двойной, первый из колючей проволоки, натянутой между столбами, второй из редкой сетки. Между ними расстояние около метра или даже больше. На втором заборе я рассмотрел электрические ролики, и решил, что он был когда-то под напряжением. Но Таволга рассказал, что это сигнализация – его нельзя было касаться. Местные жители об этом знали, так как очень любили собирать чернику между двумя этими заборами. Тропа, по которой мы пришли, это дело их ног. Здесь почему-то каждый год хороший урожай и ягоды крупные. Поднырнул под колючую проволоку и собирай как с грядки, только сетки не касайся. А уж если задел – беги или изображай партизана. Звучала сирена, тут же приезжала машина с военными, и старший из них, прапорщик, матерился и ругал птиц, которые уже достали. Когда Электрощит остался один, первое время он тоже включал сигнализацию, но вскоре понял, что один тут не набегаешься.

Вскоре мы перешли по мосткам через ров и упёрлись в калитку. Сетчатую дверь в заборе. Таволга уже потянулся к большой красной кнопке, спрятанной под куском резины. Но его палец завис в воздухе, потом описал дугу и превратился в указующий перст:

– Андрей, а как я тебя представляю? Электрощит очень подозрительный. В каждом он видит шпиона. Может, скажем,

что ты мой троюродный брат? Ты, вообще, кто?

– Давай, я буду шпионом, – решительно предложил я.

Мне показалось, что веки Таволги чуть-чуть подались вверх, но он решительно притопил красную кнопку. Ответной реакции мы, конечно, не услышали, сколько не прислушивались.

– Что, Америки больше нет? – предположил я.

– Трудно сказать... – Таволга задумчиво посмотрел на меня.

В это время из-за небольшой рощицы в метрах ста от забора появился мужчина. Внешность его мне показалась знакомой: то ли Дзержинский, то ли Тимирязев?.. Он не был похож на человека, которому часто звонят в дверь. Он улыбался и был крайне приветлив.

– Здорово, дружище, – приветствовал его Таволга, – я привёл к тебе американского шпиона.

– Спасибо, дружище, – радостно ответил тот, обняв Таволгу и похлопав его по спине. Протянул руку мне и представился – Электрощит.

– Джон, – представился я, – надеюсь, пытать не будете.

– Будет, – ответил за него Таволга, – у него большие запасы сыворотки правды.

– Да, у меня свои методы, – подтвердил Электрощит.

Он повёл нас вглубь огороженной территории, и только тогда я смог оценить грандиозность всей конструкции. Это был огромный купол, образованный спирально закру-

ченными проводами (в виде пружин). Провода были натянуты между мачтами. Все мачты были расположены в одном направлении. Может, вдоль параллели или вдоль меридиана, может, с севера на юг или в обратную сторону, может, совсем наоборот? Не знаю. Но все линии проводов, как и линии мачт, были параллельны друг другу и дружно уходили куда-то вдаль. Самые низкие мачты были по краям, затем их высота постепенно увеличивалась. Две соседние мачты казались вообще одной высоты, но глядя внутрь купола становилось понятно, что высота неуклонно растёт к центру, причём равномерно со всех сторон.

– Это вообще, что за фигура? – поинтересовался я у Электрощита, закинув голову вверх. – Я имею в виду по поверхности земли: квадрат или круг?

– Я, конечно, не видел фото со спутника, – задумчиво ответил Электрощит, – но думаю это лифчик.

– И с какой стороны мы в этот лифчик залезли?! – я, признаться был поражён космическим масштабом эротических фантазий Электрощита.

– Чуть-чуть не дошли до места, где должна начинаться бретелька, – спокойно ответил Электрощит.

– А бретелька-то есть? – поинтересовался я.

– Нет. Бретельки нет, – сказал Электрощит.

– То есть за этой полусферой, которую мы почти видим, получается, есть ещё одна? – уточнил я.

– Да, – неохотно подтвердил Электрощит. – А ты, я вижу,

и в самом деле шпион?

Тут в разговор вмешался Таволга, видимо, пытаясь разрядить возникшее напряжение.

– Лифчик, без бретелек, парни, это знак бесконечности, – сказал он.

С этим утверждением мы категорически не могли согласиться. Объединившись с Электрощитом в едином порыве, мы стали доказывать Таволге, что знак бесконечности никак не может служить геометрической моделью для описания женского лифчика. И тем более того, что под ним находится.

– Несмотря на разнообразие форм и размеров, – добавил я.

– И мы надеемся, что вы, товарищ... все это осознаете сразу после свадьбы, – язвительно подытожил Электрощит. – И мы с нетерпением будем ждать вас снова на заседание клуба опытных геометров с подробным отчётом о проделанных измерениях.

– Чтобы продолжить дискуссию о прекрасных жизненных формах, – поддержал я его.

В центре зелёного островка в стенке огромной ямы квадратной формы оказался вход в подземелье. Он был широкий как въезд в подземную парковку, но ворот не было. Внутри вела огромная металлическая дверь, распахнутая настежь. «Проветриваю», – пояснил Электрощит. По обе стороны от

двери находились два круглых окна – иллюминатора. Слева в стене за стеклом находилось ещё одно помещение, куда вела отдельная небольшая дверь. Вся площадка перед входом сверху была закрыта железобетонным перекрытием, но места было предостаточно. Слева и справа от входа в подземелье спокойно уместились две парковые скамейки. Вид их был величественен.

– Лавочки из Елисейского дворца спёрли? – поинтересовался я, рассматривая скамейки.

– В этом помещении работали учёные, их было принято называть исследователями. Работали они здесь при искусственном освещении. Кроме этих двух иллюминаторов, никаких других окон нет. Сюда они выходили подышать свежим воздухом или покурить, – объяснил предназначение скамеек Электрощит. – Присаживайтесь, вот на эту, сейчас сюда больше света падает.

Он поставил перед нами какую-то тумбочку, которую извлёк из правого тёмного угла площадки. Оттуда же появился фанерный стул с металлическим основанием. У нас такие были в школьной столовой. Затем Электрощит отправился в подсобное помещение, слева от подземелья, и вернулся с различными припасами. Пока он накрывал поляну на тумбочке, я рассмотрел деревья вокруг портала. В основном это были хвойники. У всех деревьев были спилены вершины, поэтому они росли в стороны и приняли самые причудливые, иногда уродливые как у бонсай формы. Деревья специально

ограничивали в росте, чтобы они не достигли купола. Однако мне показалось, что кроме вершин, им подрезали и другие части, воплощая в жизнь чьи-то фантазии. Но встать со скамейки и идти рассматривать чужое хозяйство, я постеснялся.

Таволга было завёл разговор про провода, но Электроцит его остановил:

– Сначала за встречу, потом за знакомство, потом за невесту, ну а потом и за электричество.

– Знаешь, что, дружище, – сказал Таволга, – давай-ка объединим поводы, у меня дел полно.

– Это как? – возмутился Электроцит. – За невесту и электричество – один тост?

– Причём тут невеста, – отвечал Таволга, – за невесту будешь пить, когда придёшь ко мне на свадьбу, за встречу выпьем там же. За знакомство выпьете без меня.

– Ну не каждый день в наших краях объявляются американские шпионы, – не сдавался Электроцит.

– Он не американский, он английский, – Таволга не дал ему договорить.

– С такой рязанской мордой лица, как говаривал Мюллер, он может быть чьим угодно шпионом, но только не американским, – заспорил Электроцит. – Меня не проведёшь!

– Причём тут лицо? Кого завербуют, тот и будет, – Таволга попытался увести разговор в русло теории.

Так, давай не придирайся к парню, – остановил его Элек-

трошит, – кого прислали того и прислали. За него и выпьем.

И он раздал нам рюмки, наполненные коньячной жидкостью. Рюмки были маленькие, на один глоток, и Таволга перестал отнекиваться.

– За Джона, – объявил Электрошит, и мы выпили. На вкус это было похоже на тайский ром с привкусом корня солодки. Но привкус был чистый, как лекарство от кашля в детстве. Сашина лакрица явно проигрывала из-за жёсткой спиртовой основы и землистого привкуса.

– А можно, я буду Андреем? – спросил я, чтобы поддержать их шпионские разборки.

– Нет, – категорически отрезал Электрошит. – Мы ещё мало выпили.

Таволга снова засобирался.

– Дружище, у меня свадьба на носу, – начал он.

– А у меня бородавка, – тут же ответил Электрошит. – То же нет времени вывести.

Таволга на некоторое время был сбит с толку, а я начал внимательно осматривать носопырник Электрошита. Боковым зрением я заметил, что Таволга делает то же самое. Когда он сбросил наваждение, мотнув головой как бык, было уже поздно. Наши рюмки были полны, а Электрошит объявил следующий тост.

– С праздником! – сказал он.

– С каким? – удивился Таволга.

– Пей, потом расскажу, – ответил Электрошит.

Когда мы выпили, он объявил:

– Сегодня праздник Хромого Фомы! А вы что не знали?!

– Ну, грубо говоря, нет, – ответил Таволга, и решительно поднялся со скамьи. Он понял, что если сейчас попадётся на эту удочку, то придётся пить и за Фому, и отдельно за его костыли.

Понимая, что его уже не остановить, Электрощит попросил:

– Дружище, оставь мне Джона и иди. Женись.

– Андрей, ты как? – обратился Таволга ко мне.

– До конца осени я совершенно свободен, – я пожал плечами. – Потом, наверное, будет слишком холодно. А я не люблю, когда холодно... Приходи за мной осенью.

– Вы просто два клоуна, – рассмеялся Таволга. – Андрей, серьёзно. Дорогу домой запомнил? Найдёшь сам?

– Да, конечно, найду, – успокоил я его. – Спустился по козьей тропе вниз, а дальше дома виднеются.

– Ну ладно, я пошёл. Дел на самом деле очень много. И смотри, виднеются они только днём... И про провода не забудь, – проинструктировал он меня напоследок.

Электрощит пошёл выпускать Таволгу, а я задумался. Фраза про дорогу домой меня как-то расстроила. Дом Таволги и Васильича – это же не мой дом. А где мой дом? Где я родился? Со старой квартиры, где я вырос, мы переехали, как только я закончил школу. Затем сразу армия. Пока учился в университете, жил с родителями. Потом с женой уеха-

ли в сельскую местность, где у нас была собственная квартира, растили детей, свиней и коз. Сказать, что это было самое счастливое время? Да нет. Через пять лет вернулись в город, дочку надо было определять в школу. Жили с родителями жены. Когда дети маленькие, наличие бабушки и дедушки рядом, это здорово! Отсутствие постоянного места жительства меня никогда не напрягало. Мой дом там, где я. Этот принцип работал всегда. Но теперь все по-другому: я завис в каком-то пространстве, где у меня нет дома.

Глава 6. Любовь к еврейской нации, шпионы и тонкости марксизма

Электрощит вернулся ещё более весёлым и положительно заряженным. Я сразу же предложил ему вытащить скамейку наверх, под сосны.

– Давай, – с радостью согласился он, – и как я раньше не додумался.

Но скамейка не поддавалась, остов и все завитушки по краям действительно были чугунные. Мы с трудом оторвали её от земли, но чтобы нести – об этом не могло быть и речи.

– Варианты? – Электрощит задумчиво посмотрел мне в глаза.

– Катить, тащить, тянуть верёвкой, переваливать, поднимать автокраном, – начал я перечислять варианты, – или накатить.

– Накатить! – согласился Электрощит и снова скрылся в своей подсобке. Вернулся он с двумя чайными чашками. Наполнил их на три четверти, и одну протянул мне.

– Накатим, – объявил он.

– Да я не это имел ввиду...

– Это, это. Давай! – наседал Электрощит.

– А чё не из рюмок?

– Из рюмок не накатывают, объем не тот.

Мы выпили за телекинез. Электрощит потянулся за закуской. Я ударил его по руке.

– Когда накатывают, не закусывают, – сказал я грозным голосом.

– А ты, брат, точно не шпион! – с удивлением констатировал Электрощит. – Так как, говоришь, тебя зовут?

– Андрей.

– Электрощит, – представился он и снова протянул мне руку для знакомства.

– Иди в ...опу, Электрощит!

– Извини, извини. Работа такая, – начал он оправдываться, – Я и сам часто забываю, как меня зовут. Давай посмотри на меня внимательно и сам определи, как я должен называться. Все Миши там, или Гоши, все равно чем-то похожи друг на друга.

– Нет, – не согласился я, – все Гоши разные, это точно. – Но ты человек приблизительно моего поколения, поэтому ты уже не Иван, не Вася, и скорее всего не Вова. Но ты ещё не Антон и не Никита... Дима, Саша, Лёша, Серёжа есть в любом поколении. Или у тебя какое-то редкое имя? Вольдемар. Ты, случайно, не Вольдемар?

– Вольдемар у нас Кукушкин, – сказал Электрощит.

– Да ладно?! – не поверил я, – Кукушкин – Вольдемар?

– Да, да. Только он никому не говорит, стесняется что ли, – заверил меня Электрощит. – А я видел его уголовное

дело.

– Вольдемар Кукушкин, – произнёс я, прислушиваясь к звукам, – отлично звучит!

– Только не для уголовника, – пояснил Электрощит, – у них свой распорядок дня.

– Так, продолжим, – меня увлекла мысль озаглавить Электрощита по-новому. – Раз ты не хочешь быть Вольдемаром, значит Феликсом тоже не захочешь. Может Марксом?

– Я вижу, тебе не даёт покоя моя борода, – сказал Электрощит. – А сам-то с бородой! Почему твоя мама не назвала тебя Энгельсом?

– Потому что не было у меня бороды в детстве, не могла же она знать, что я буду носить бороду, – нашёлся я.

– А зачем ты её носишь? – Электрощит не унимался, отвлекая меня от решения проблемы.

– По образованию я орнитолог. А орнитолог без бороды, все равно, что геолог... без трубы.

– Какой трубы? – не понял Электрощит, – подзорной, нефтяной, какой? А ещё есть труба, на которой дудят. Геологи чё, дудят?

– Да откуда мне знать! – возмутился я, – Мы будем тебя переименовывать или нет?

– Так давай!

– Продолжаем разговор, – сказал я. – Зачем ты носишь бороду?

– Здравствуйтесь, С Новым годом! – Электрощит согнулся

от смеха. – Ну, какое это имеет отношение к теме разговора?

– Я должен определить, должна ли борода характеризовать твоё имя или нет.

– Нет, – заверил Электроцит. – Я пробовал без бороды – это ужас. Каждое утро в зеркало я наблюдал, как из меня выползает обезьяна. День за днём, каждое утро я тщательнейшим образом брился. Но каждое утро я снова и снова видел, как из меня, из всех щелей, прет обезьяна. Если это наблюдать каждый день можно сойти с ума. Уж если бреешь бороду, так надо брить и все остальное: подмышки, пузо, пенисы, анусы, ляжки. Иначе получается, где не видно там не надо, фуфло какое-то, лицемерие. Ты сам-то как считаешь?

– Я считаю, – ответил я, – что мне крупно повезло, что я встретил тебя. До этого мне все время попадались молчаливые монстры. Теперь же, в твоём лице, я имею роскошь человеческого общения. Я не болтлив. Как мне кажется. Но недели, проведённые в лесу, требуют эмоционального выхода. Кукушкин за это меня чуть не убил. А с тобой, я вижу, мы можем болтать тут хоть до ночи.

– Да ты первый начал, – слегка обиделся Электроцит.

– Да я же не в претензии, – попытался я его успокоить. – Мы прекрасно проводим время. Давай накатим.

Мы снова выпили за телекинез, но скамейка не шелохнулась.

– Давай по старинке, – предложил я, – подложим кусок фанеры под одну ножку и будем крутить вокруг неё, потом

под другую.

Электрощит извлёк из тумбочки полку, выполненную из многослойной фанеры. Мы подложили её под переднюю ножку, и, взявшись вдвоём с другой стороны, развернули скамейку на 180 градусов. Снова переложив фанерку под переднюю ножку, мы повторили процедуру. Через три-четыре оборота мы достигла края площадки. Далее начинался склон наверх. Он был достаточно пологий, но развернуть на нем скамейку относительно ноги не представлялось возможным.

– Давай сначала поставим её на попа, – предложил я, – потом опрокинем спинкой и сиденьем на склон и затем верёвкой будем тянуть наверх.

– У меня нет попа, – сказал Электрощит не то серьёзно, не то стибаясь.

– Попа у всех есть, – ответил я с ударением на последнюю «а». – Давай!

И мы вцепились в скамейку, пытаюсь поставить её вертикально, но, сколько не кряхтели и не вспоминали ближайших родственников по женской линии, не смогли.

– Видишь ли, её попа, – также с ударением на вторую «а» сказал Электрощит, – не хочет и поэтому жутко сопротивляется. Давай бросим её здесь, вместе с её попа. Тут уже не под крышей, поэтому и так больше солнца и воздуха.

– «Уж если я чего решил, я выпью обязательно», – раздражённо процитировал я Владимира Семёновича. – А ты, человек без попа, гляжу совсем без принципов, иди, ищи ве-

рёвку!

Электрощит скрылся в своей хобичьей норе со словами: «Выпить – не вопрос», а я полез вверх по склону. Действительно ёлки и сосны подрезались с многих сторон, с целью получить какие-то садовые фигуры. Но пока получалось невразумительно. Как будто сначала из кроны дерева формировали фигуру крокодила, потом передумали, и стали получать фигуру страуса. Единственная фигура, которая мне понравилась, был кактус из ели. Мало того, что крона ёлки, узкая у основания, расширяющаяся к середине и овальная сверху, полностью повторяла форму кактуса. Из-за густой, от постоянной подрезки, кроны равномерно торчали еловые веточки, олицетворяя иглы. На концах веток были почки, уже пущенные в рост. Как у новогодней ёлки, которую ставили в воду. Это придавало веткам некоторую законченность формы, свойственную иглам. Не успел я обойти весь ботанический сад, как появился Электрощит с небольшой лебёдкой в руках.

– Попень, жопень, – передразнил я его, глядя на лебёдку. – Вот это тема. Вот это самовар! Только я этой штукой пользоваться не умею, ну, не было у меня никогда такого инструмента

Пока Электрощит крепил лебёдку к стволу самого могучего дерева, с диаметром ствола, дай бог, сантиметров семь, я обвязал тросом две дальние ножки скамейки и закрепил крюком.

– Давай! Вира, майна, – скомандовал я. И услышал, как наверху защелкала лебёдка, и увидел, как закачались кроны деревьев. Вспомнилась детская сказка: «Дедка за репку, бабка за дедку... то ли дедка не выдержит, то ли его репка оторвется. Тут кто кого. Но бабка всегда в выигрыше, не считая мышки». Трос натянулся, и дальняя от склона сторона скамейки стала медленно подниматься. Я бросился помогать «дедке», рискуя быть прихлопнутым, как мышь в мышеловке.

Скамья таки приняла вертикальное положение, покачалась и завалилась на склон. Ура! Как на лыжах заскользила она наверх, опираясь на гладкие закруглённые поверхности спинки и сиденья.

Ещё часа два мы кантовали «лавочку» среди ёлок и сосен, чтобы сделать все по Фэн-шуй. В данном вопросе Электроцит проявил несгибаемую волю и отмёл все компромиссы. Но когда лавочка была устаканена по замыслу художника в нужном месте и мы устало растеклись по ней, вытянув все свои корешочки, я понял – все не зря. Нас окружали сосны без вершин, они окружали скамейку и по бокам, но в центре перед нами лежало открытое пространство купола, уходящего вдаль. Мы молча сидели и любовались переплетением пружин, уходящих в голубое небо.

– Продолжаем разговор, – объявил я, хлопнув себя по коленям.

И Электроцит зарядил длинную тираду о том, какой я мо-

лодец, что я его практически спас, вытащив из ямы; и практически дал свободу; что сам до этого он никогда бы не додумался... и прочий бред. Я ничего не мог понять. Алкоголь, который мы приняли, благодаря нашим физическим усилиям давно превратился в глюкозу. Глюкоза окислилась и уже толкалась у выхода, чтобы выйти наружу. А Электрощит никак не мог остановиться. Я стал припоминать, не ударился ли он башкой о ёлку...

– Давай ты будешь Жора, – неожиданно предложил я, и фонтан иссяк.

– Это как-то по-еврейски, – засомневался Электрощит.

– И чё? Я, например, люблю евреев. Самая умная нация. А я люблю умных. У нас в соседях в однокомнатной квартире жила такая семья. Дедушка вставлял золотые зубы прямо на дому, бабушка очень вкусно готовила, папа был кандидатом химических наук, а сын Тимур был моим другом. Его дедушка водил нас гулять по парку, и даже возил за город в лес. Однажды, когда я был у них в гостях, после ужина, они угостили меня мороженым. Мороженное было такое вкусное! И я долго обсасывал палочку, намекая, что неплохо бы повторить. Это было так очевидно, что до сих пор стыдно. Мне, кажется, я заразился у них интеллигенцией. А уж бабушка оставила такой неизгладимый след, что с тех пор я всю жизнь хотел жену еврейку. Потому что они интеллигентные и умеют готовить.

– Хорошо, я буду Жоржем, – согласился Электрощит.

– Нет, не будешь, – оспорил я. – Тогда тебе и фамилию придётся менять на Сименон, а это уже, друг мой, плагиат и перебор. Давай скромнее. Твоё полное имя Георгий, поэтому кроме Жоры, ты также можешь называться Гогой. Но сам понимаешь, это уже как-то по-грузински.

Ничего не ответил мне Жора Электрощит. Он шурился от удовольствия, как кот на солнышке, которому уже не надо ловить мышей. Видимо, новое имя ему все-таки понравилось.

– Жора, – обратился я к новорождённому, проверяя его реакцию на сочетание звуков.

– Да, Андрей, – спокойно отреагировал Жора, как будто его всю жизнь, так и звали.

– А молния бьёт в купол во время грозы?

– А ты сам-то как думаешь? – спросил Жора и очень подозрительно стал на меня смотреть. Он даже забыл про солнечную лень и как-то весь напрягся.

– Если он заземлён, – начал я рассуждать вслух, – тогда бьёт. Получается большой такой молниеотвод. А если не заземлён? – тут признаться, мысль моя заметалась. – Тем более бьёт?! Это как большой дом без молниеотвода.

– Джон, это провал. Ты раскрыт, – с грустью заявил Жора.

Я воздержался от комментариев: мало ли что завелось в голове у человека, живущего под куполом цирка. Но мысленно обматерил, согласно перечню, весь этот колхоз, ска-

мейку, Жору и сени Кукушкина.

– Я только не понимаю, зачем нам прислали второго, у нас один уже есть? – Жора не унимался.

– Да, кто? – не выдержал я.

– Первый у нас Швиндлерман, он попался на английской поговорке. А кто ты? Моссад?! Ну, конечно!!! Кто тут только что втирал мне про любовь к евреям! – Жора был поражён собственными умозаключениями.

– Жорик, – сказал я очень вкрадчиво, – мы, моссад овцы, жестокие ребята, и свидетелей не оставляем. Колись, как ты меня раскрыл, пока я шприц накачиваю...

– Молниеотвод – вот где ты спалился. Ни один русский никогда не назовёт громоотвод молниеотводом, – с гордостью заявил Жора. – Это же наш менталитет. Это вы там, боретесь с причиной, а мы всегда только со следствием. Срать нам на молнию, если мы боимся грома!

– Отлично сказано, дружище! – похвалил я. – Могу от себя только добавить: поэтому любой умный человек у нас в стране – шпион! Взять того же Швиндлермана. Он же построил систему образования в вашей деревне так, как даже в городах не учат, фактически индивидуальное обучение. Поверь мне, я в этом понимаю, сам начинал в сельской школе. А вы его – шпионом называете!

– Ну и что, что шпион! – возмутился Жора, – Мы все его уважаем и ценим. Только он хороший шпион, а вот ты?

– К сожалению, я не могу носить такого высокого зва-

ния, – ответил я. – Назвав громоотвод молниеотводом, я просто сумничал под впечатлением грандиозности купола. Хотел казаться интеллигентным. Для меня это слово также противоестественно, как для тебя или Кукушкина. А ты меня сразу в Моссад. Да будь я шпионом, я бы никогда не позволил себе такой неестественный словооборот. Я бы даже матом так умел крыть, что ты бы рот от удивления открыл и слова попросил переписать. А я молчу. Хотя мне очень хочется послать тебя к «мазе факе», но по-русски!

Получив отпор, Жора как-то замешкался.

– Давай мне провод, два с половиной квадрата, десять метров, а лучше двадцать и я пошёл, – решительно заявил я и встал со скамейки. – Я к тебе в гости не набивался, сам оставил.

– Извини, – сказал Жора смущённо, понимая, что лучше со шпионом, чем одному. – Мы тут все, после того как раскрыли Швиндлермана, помешались на ловле агентов иностранных разведок. А самый главный вопрос в деревне – кто же наш шпион-то?

– А наш-то, вам зачем? – удивился я.

– Когда мы сдали Швиндлермана, нам по секрету сказали: «Не беспокойтесь, за ним присмотрит наш человек». Вот мы теперь всей деревней и гадаем, кто тот человек, который присматривает за Швиндлерманом?

– И как давно гадаете? – поинтересовался я, закипая внутри.

– Да уж лет десять, как...

– Жора, раз я тебе так удачно придумал новое имя... И с учётом того, что ты все-таки не местный. Давай деревню тоже переименуем? – предложил я.

– Зачем? – удивился Жора.

– Чтобы название отражало внутреннее содержание. И назовём мы её Дебилово, а лучше Долбобобово.

– Зря ты так, – обиделся за аборигенов Жора. – Местные мужики, которые Драчиловы, классные мужики. Староверы. Это мы, приезжие попадаловцы, воду мутим. От большого ума и начитанности.

– Самокритично, – похвалил я Жору. – А почему Швиндлермана тогда не арестовали, раз вы его раскрыли?

– Зачем? – снова удивился Жора, – тогда нового бы прислали. А этот уже наш, проверенный.

– И как же вы его вычислили? – поинтересовался я.

– Он использует в своей речи английские выражения, типа «бить мёртвую лошадь» или «плохое яйцо», что равносильно нашему «в семье не без урода». Мы же так не говорим?!

– Жора, а ничё, что он учитель английского языка? И ему по специальности нужно знать устойчивые выражения языка, которому он учит других. Если бы он был шпион, он наоборот бы использовал исключительно русские выражения: дурная голова ногам покоя не даёт, баба с возу – кобыле легче, гусь свинье не товарищ, а кто тогда; и прочее. И матом он не ругается?

– Нет, не ругается, – сказал Жора. – Кстати, он ещё ест чечевицу! Подожди. Так он же специально не ругается. Он знает, что мы ждём от шпиона мата, поэтому и не ругается.

Оба на! – воскликнул я. – Откуда он может знать, что вы от него ждёте? И на каком витке умозаключений «он знает, что вы знаете, что он знает, что вы знаете, что он знает, что вы знаете» вас переклинило?

– Ну да, – удивлённо согласился Жора. – Кто же тогда шпион?

– «Маза фака»! – произнёс я театрально.

– Не верю! – решительно отреагировал Жора. – Сколько стоило ленинградское мороженое в шоколадной глазури?

– Двадцать две копейки! А самое дешёвое в стаканчике – девять копеек.

– Всё. Ты не шпион, – заявил Жора.

– А кто тогда шпион? – спросил я вкрадчиво; и мне уже самому стало интересно.

– Зачем нам тогда сказали, что кто-то присмотрит за Швиндлерманом? – вспомнил Жора.

– Любой умный человек, включая, извини, меня... сказал бы вам, бестолковым, то же самое. Если вам сразу заявить, что Швиндлерман не шпион, вы, во-первых, не поверите и будете проклипать ФСБ, КГБ и Луначарского. А во-вторых, вы найдёте кого-нибудь другого.

– Андрей, ты только что растоптал все наши достопримечательности, – грустно сказал Жора. – Десять лет мы жили с

надеждой, что у нас в деревне есть два шпиона. Швиндлерман и кто-то из наших. Мы гордились таким мирным сосуществованием двух враждебных структур и высокой значимостью нашего населённого пункта. Включая климатическую станцию. И что теперь?

– Жора, – спросил я, начиная волноваться, – а купол точно отключён? Он как-то побочно на голову не действует?

– Никому не нужная, забытая богом деревня... – продолжал горевать Жора, игнорируя мой вопрос. – Таких тысячи в России.

– Зато у вас есть Швиндлерман, – утешил я его. – В тысячах деревнях по всей стране нет Швиндлермана, а у вас есть.

– Это, правда, – согласился Жора, и настроение его улучшилось. – Если в каждую российскую деревню по шпиону... в смысле по Швиндлерману... Днепрогэс, ГОЭЛРО, полет на Луну и даже подъем сельского хозяйства вместе взятые, стали бы детским лепетом. Все-таки не говори никому, что Швиндлерман не шпион. Зачем людей разочаровывать. А про купол я тебе сейчас все расскажу.

– Не, Жор, не получится. У них у каждого зарплата должна быть как у шпиона. А такие деньги на образование не выделяются.

– Все великие дела, все равно делаются на энтузиазме, – убеждённо заявил Жора.

– Или по пьяни, как перемещение этой лавочки – добавил я. – Будучи трезвыми, мы бы ее с места не сдвинули. Даже

мысли такой не появилось. Но пьянство и образование – вещи, возможно, и близкие, но разнятся по методологии.

– А что такое методология? – спросил Жора.

– Методология – это способы достижения цели, – сумничал я.

Жора погрузился в раздумья, переваривая мои слова.

– А знаешь, ты прав, – после долгого молчания заявил он, и продолжил очень пафосно, как на похоронах. – У нас, у каждого, кто учился, когда-нибудь и где-нибудь, был преподаватель, который слыл пьяницей, которого не любили на кафедре и обожали студенты. Его лекции были феерией знаний, мыслей и чувств. Как поход в кино или спектакль. И каждый раз премьеры. В отличие от студентов он иногда прогуливал собственные лекции, но его прощали...

– Жора, – произнёс я грозно, – давай не перебарщивай. Были, конечно, и такие, согласен. Я бы даже сказал, что лекция – это не источник знаний, это встреча с личностью, с Учителем. А если препод не личность, нечего на такие лекции и ходить. Я, например, и не ходил. Есть другие источники информации. Мне до сих пор снятся по ночам кошмары: что через два дня экзамен, а я все лекции прогулял. Знал бы, что потом всю жизнь буду плохо спать, поостерегся бы лекции прогуливать.

И давай без инсинуаций. Иначе получится, что пьющий человек – хороший человек, трезвенник – плохой.

– А ты, хотя бы немножко с последним тезисом согла-

сен? – Жора, перегнувшись через ограждения, попытался заглянуть в мою душу.

– Ну да, – раздражённо ответил я. Затронутая тема мне совсем не нравилась. – Непьющие вызывают опасение. Особенно когда берёшь на работу человека, а он говорит: «Не пью». Самые опасные люди. Неизвестно сколько он не пьёт: два месяца, до первой зарплаты, полгода? Потом бац, и не может остановиться. Он хороший человек, ему очень стыдно. И он пьёт ещё больше, чтобы не было больно. У меня теща, был такой. Добрый милый человек, покладистый и душевный. Не пил. Тёща из него верёвки вила. Но когда наступали вечер трудного дня и зарплата, он вырывался на свободу. Стучал кулаками по стенам, хлопал дверями так, что стекла в окнах звенели, гонял тещу по всей квартире и кричал: «Ведьма!». Эх, и эмоционально это у него получалось! Через неделю, снова милый хороший человек, шёл заказывать новое стекло для балконной двери.

– У меня тоже был подобный семейный опыт, большую часть детства я провёл без отца. Когда вырос – понял, если семья распалась из-за пьянства, в семье не было секса. И виновата в этом женщина. Раньше вообще секс считался чем-то необязательным, если не зазорным. Может сейчас что-то изменилось?

– Конечно, изменилось, – заверил я. – Сейчас хоть не женятся, чтобы заняться любовью. А раньше женились, пробовали, не понравилось, развелись. Сейчас браки должны быть

более обдуманными и поэтому более устойчивыми. Я так полагаю.

Кстати. На четвёртом курсе я прочитал у классиков марксизма-ленинизма, что каждый человек нуждается во сне, еде, воде и половом партнёре, и это все – его физиологические потребности. Это было какое-то программное произведение, которое теоретически, должны были изучать все студенты. Что-то типа «семья в буржуазном обществе». С тех пор я уважаю классиков марксизма-ленинизма и особенно Энгельса. Мне почему-то кажется, что это был именно он. И очень обидно, что, признавая их основоположниками существующего строя, мы не взяли на вооружение такой простой принцип. Да в Конституции нужно было прописать: «Секс – физиологическая потребность человека». Советский Союз тогда никогда бы не развалился, а мы бы не путали круглое с яйцеобразным. А так полный бред: секс, любовь, семья, секс без любви, любовь без секса и семья – не пришей ни к чему рукав. Потому что пришивать не к чему.

– Андрей, а как же я? – жалостливо спросил Жора.

– А что ты?!

– Я один. В этом чёртовом «лифчике»! Здесь нет полового партнёра.

– Жора, – назидательно начал я, – кого это останавливало? Тебе сказать, как это по-научному называется, или показать, как это делается? Вспомни восьмой класс.

– Но это же не «половой партнёр»?

– Врачи говорят, лучше так, чем вообще никак.

– А ты слышал об опытах на крысах? Крысе в мозг вживляются электроды. Зверёк бежит, случайно задевает педальку и получает электрический импульс в центр удовольствий. «Крыся» перестаёт есть и пить, сидит и жмёт педальку до тех пор, пока не сдохнет. Поэтому я не хочу, чтобы меня нашли когда-нибудь с «педалькой» в руке.

– Ну, ты же не Крыся, – неубедительно возразил я, поражённый познаниями Жоры в области биологии. – Ты тогда хоть не пей. Потому что алкоголь – сильнейший афродизиак, а не какой-то там сельдерей или толчёный лук, как нам любят рассказывать.

– Самый сильный афродизиак – это гречка, – безапелляционно заявил Жора, явно вырываясь из-под моего интеллектуального превосходства.

– Это как это ты определил?!

– Да потому что я тут ем, практически, одну гречу, и каждое утро, просыпаясь, я вижу перед собой рыбацкую палатку. Один раз спросонья испугался – думал, в горы попал.

– А ты на животе спать не пробовал? – рассмеялся я, в душе завидуя заявленным возможностям.

– А пить я совсем не пью, только когда гости, – продолжал Жора, игнорируя мои комментарии. – Если начну пить в одиночку, точно сопьюсь. Короче у меня два железных принципа, и я их неукоснительно выполняю.

– Хреново, Жора, – я покачал головой, – Если не будешь

соблюдать заветы основоположников марксизма-ленинизма про физиологическую потребность, очень скоро не на что будет натягивать. Проснёшься утром – ни палатки, ни гор. Ты один и кругом пустыня. Придётся совсем отказаться от рыбалки. Вот тогда запьёшь с горя и станешь беспринципным. Но знаешь, кто долго мучается, сам в этом виноват, поэтому мне тебя не жалко.

– Так, Андрей, – железным голосом заявил Жора, – мне срочно нужно отлучиться в деревню. Посторожишь тут, пока меня не будет?

– Вообще-то, ты мне про купол хотел рассказать... – возразил я.

– Мы с тобой сейчас перекусим, прежде чем я уйду. Я успею рассказать теорию, а потом ты сам все здесь посмотришь и пощупаешь. Давай, помоги мне накрыть.

Глава 7. Научно-познавательный пир

Мы спустились в котлован, и я впервые переступил порог Жоринаго жилища. Эта была длинная и узкая комната. Влево от двери она тянулась на длину окна, правая, более длинная часть, уходила в подземелье и заканчивалась небольшой металлической дверью. Видимо через неё охрана имела возможность попасть в основной бункер. Кровать и холодильник стояли в правой части комнаты, вдоль окна располагался письменный стол, сразу за столом в углу на тумбочке – ламповый телевизор «Рассвет». Вдоль торцевой стены тянулся низкий стеллаж с радиозапчастями. Над стеллажом во всю стену висел рекламный плакат известного производителя автомобильных покрышек. Три шины лежали друг на друге, а сверху на них сидела женщина в одних стрингах, спиной к потенциальному клиенту. Шины были так себе, я бы такие никогда не купил, а вот женская задница была восхитительна, сразу невольно хотелось нащупать «педальку». Другой мебели в комнате не было.

Когда мы вошли, Жора сразу щёлкнул выключателем. Рассеянного света, падавшего из окна, было явно недостаточно. Лампы загорелись как-то неярко.

– Сорок восемь вольт, – пояснил Жора. – Пока меня не

будет, можешь посмотреть телевизор. В смысле пощёлкать каналы. Он все равно не показывает.

Жора достал из холодильника кастрюлю, крынку с молоком, буханку белого хлеба и какую-то круглую шкатулку. Поставил на электроплитку чайник.

– Ты чего будешь, чай или кофе? – поинтересовался Жора.

Я вспомнил желчегонный кофе Кукушкина, решил не рисковать и выбрал чай. Тогда Жора откуда-то из темноты извлёк банку с вареньем и опрокинул её в большую миску.

– Брусничное! Ум отъешь, – откомментировал он.

– Лучше ум отъесть, чем спиться, – согласился я.

За две ходки мы перенесли все припасённое, включая тарелки и чашки, на нашу скамейку. В кастрюле действительно оказалась гречка, Жора разложил её по мискам и залил холодным молоком из кринки.

– Ооо, гречка! – воскликнул я.

– Ты что, действительно любишь гречку? – удивился Жора.

– Да нет, анекдот про собаку вспомнил.

– Давай, расскажи.

И пока Жора откупоривал и разливал новую бутылку своего коньяка, я рассказал анекдот.

Понедельник. Собака лениво подходит к миске: «Мм-м, гречка».

Вторник. Собака подходит к миске: «Гречка...».

Среда. Собака уныло подходит к миске: «Снова гречка?!»

Четверг. Собака неохотно подходит к миске: «Опять гречка?!»

Пятница. Собака с надеждой подходит к миске... Пусто.

Суббота. Собака подходит к миске... Пусто.

Воскресенье. Собака подходит к миске. Пусто.

Понедельник. Собака подходит к миске: «О-оо! Гречка!!!»

Жора смеялся до тех пор, пока не начал задыхаться. Утирая слезы, он сказал:

– Это же я! Это я та собака, которую семь раз в неделю кормят гречкой. И знаешь почему? Потому что гречка может храниться десятилетиями, и ей ничего не будет. У нас в соседнем селе Уразовка стратегический склад. Их уже после войны, готовясь к ядерной, по всей стране заложили. Выглядит это примерно так: едет длиннющий товарный состав, впереди небольшой холм, поезд заезжает в тоннель и исчезает. Через некоторое время выезжает оттуда уже пустой. Представляешь, какие масштабы? К Уразовке целая железнодорожная ветка подходит с Кировского направления. Но время прошло, войны не случилось. Утилизировать тоже дорого, вот и решили: дешевле раздать по символической цене населению. Ты у нас в магазине был? Видел, какие там низкие цены?

– В магазине Саша расплачивался, но, правда, какие-то копейки заплатил. А они не боятся народ отравить? Ботулизм там и прочее?

– Они создали специальную лабораторию, которая определяет безопасность каждой партии. Реально все вкусно, особенно тушёнка, такой сейчас и не делают. Секрет утерян.

– А текила тоже оттуда? – догадался я.

– Оттуда. Только с Мексикой мы пока не воевали. Это чистый спирт, который коопторг разводит водой и добавляет Зуко.

– Жора, а что такое Зуко, – поинтересовался я очень вкрадчиво.

– Да ты что не знаешь? Инвайт, Зуко, что там ещё было... Пакетик заливаешь водой – вот тебе и лимонад! Три рубля и ребёночек счастлив.

– Вот, черт! – выругался я. – Кукушкин – скотина! Как заведённый твердил: «Зуко, зуко», вот я и решил, может божеество какое, мексиканское. Не мог по-человечески объяснить. Этих пакетиков в продаже уже лет сто нет, вот я и забыл. А я его про сорт яблок все спрашивал... Кочерыга старый! Темно ему, видите, в сених!

Пока я ругал Кукушкина, Жора глумливо хихикал.

– Кстати, яблонь здесь практически нет, – сказал Жора, доедая свою гречку, – они вымерзают каждые 6-10 лет. Только вырастил, только собрал первый урожай, а весной уже дрова. Поэтому мало кто пытается.

– А Зуко тоже стратегический запас на случай войны? – поинтересовался я.

– Нет, это стратегический запас Коопторга.

– Так это же тогда голимая просрочка! – возмутился я.

– И что? Зубо тебе никто и не предлагает, ты покупаешь Текилу, а что туда насыпали, никто не знает. Ты, вообще, решил, что это яблоки, – Жора снова заржал. – Я такую пурьковую смесь не пью, только коньяк «Командирский».

– Можно представить, что насыпали тебе, – зло предположил я

– Не, рука Кооперации не дотянулась до моего стратегического запаса. У меня натура, чем дольше стоит, тем дороже становится, – и Жора снова наполнил рюмки.

– Как можно запивать, гречку с молоком коньяком, я не представляю, – сказал я и выпил.

– Дружище, коньяком можно запивать все что угодно, но лучше копчёную колбасу, – сказал Жора, похлопав меня по спине. – К сожалению, последняя не значится в списке стратегических продуктов. Сейчас принесу чайник.

Жора принёс чайник, затолкал к нам в чашки каких-то листиков и залил кипятком. Потом порезал буханку на квадратные ломтики, сверху положил сливочное масло из шкапулки, которая уже успела покрыться потом. И налив брусничное варенье сверху, протянул первый «пароход» мне. Я погрузил свои зубы как можно дальше к центру куска и издал гортанный сексуальный звук. Пушистый свежий хлеб, тающее во рту коровье масло и сверху немножко вяжущая брусничная сладость... Эх, хорошо в деревне жить!

– Жора, а почему текила у вас всегда яблочная? – спро-

сил я под воздействием брусничного вкуса. – Там же целый ассортимент был: апельсин, мандарин, киви, манго, груша и ещё что-то.

– Ребята свою работу знают. Раньше они с помощью Зуко самогон облагораживали и продавали через свои магазины. Вот представь, купил ты трёхлитровую банку самогона со вкусом экзотики. Ты же никогда бы не поверил, что в Попадалове растёт киви или фейхоа? А на яблочки-то ты как раз и повёлся!

– Знаешь, что! Уж если у вас тут в большом обилии обитают зверьки типа выхухоль, нахухоль и похухоль, то без фейхуи вам тут уже никак нельзя!

Буханку по Жориному рецепту мы съели до последней крошки; это вам не гречка на холодном молоке. Чай оказался тоже на удивление ароматным. Но после этого воздух уже с трудом поступал внутрь моего организма.

– Жора, а ты знаешь, как уничтожают крыс с помощью алебаstra? – спросил я его, вспомнив его глубокие познания из жизни грызунов.

– Это ты сейчас к чему?

– А к тому, если хлеб в моем желудке сейчас хоть немного разбухнет, я просто лопну.

– Не лопнешь, – заверил Жора, – но я тебе сейчас другой опыт расскажу. Про мышей. Берут мышь и опускают в аквариум с водой. Мышь пытается барахтаться, но стенки

скользкие, и выбраться она не может. Через 20, максимум 50, секунд онадохнет. Но, еслимышь вовремя вытащить, обсушить и снова запустить в воду, она уже недохнет в течение минуты. Она сопротивляется несколько минут, прежде чем утонуть. А если ей и в этот раз не дать утонуть и вовремя спасти. То на третий раз она уже себя чувствует в аквариуме как рыба в воде и совсем не собирается тонуть, выдерживает десятки минут.

– Ты на что намекаешь? – удивился я. – Тренироваться надо?! Так я с удовольствием! Если запасы хлеба, масла и брусничного варенья позволяют, смело можешь на меня рассчитывать. А в холодной воде я купаться не люблю.

– Я намекаю на то, что главное не побаиваться! – сказал Жора. – Изначальномышьдохнет просто от испуга, от стресса, от неверия в собственные силы. Причёмдохнет раньше, чем эти силы исчерпает.

– Я тебе сейчас подобный пример из жизни людей приведу. Я заканчивал пятый курс, жена соответственно уже два года как работала – обогнала меня пока я был в армии. В тот год мы два раза подряд спустились по Сеже на байдарках. Первый раз, на 1 мая с компанией, но нам показалось мало и на выходные дни, присоединённые к 9-му мая, мы отправились снова, но уже вдвоём. Первый поход прошёл без задева, а к концу второго нас накрыла непогода. Сам знаешь, весной трудно надеяться на длительную устойчивую погоду. Когда мы вышли из устья в Волгу, нам оставалось пройти макси-

мум часа два до пристани, причём по течению. Страна тогда была Великая, и «Метеоры» ходили по Волге по расписанию, чуть ли не от каждой деревеньки. Поднялся сильный встречный ветер, огромная волна, нос байдарки заливаает водой, её гнёт пополам, она трещит всем своим остовом, непонятно выдержит или нет. А главное, мы ничего не можем сделать, мы не можем приблизиться к берегу – нас постоянно относит. Да и на берегу-то страшно, там закручиваются маленькие пыльные воронки, как раз вдоль уреза воды. Сейчас, кажется, закрутит настоящий смерч и унесёт нас. Мы гребём из-за всех сил, но как будто стоим на месте. И остановиться нельзя, унесёт на середину, или развернёт вдоль волны и перевернёт. Пошёл дождь. Берега почти не видно, так слегка угадывается. А жена на третьем месяце беременности. В общем, борьба за выживание и никакой надежды. Бездна. И тут, сзади, из-за стены дождя появились «викинги». Они вышли прямо на нас. Два здоровенных мужика, тоже на байдарке-тройке, один сидел впереди, второй сзади. Посередине у них сидела женщина, как копна закутанная с головой, и не принимала участия в схватке. Они нас легко обошли и ушли вперёд. Но нам то они подарили надежду. Мы увидели, что все не зря, что двигаться вперёд все же можно, и мы устремились за ними. Конечно, они двигались быстрее нас, и через какое-то время мы их потеряли, но это было уже неважно. А потом и дождь закончился, и ветер утих. К пристани мы подплывали уже в окружении солнечных зайчиков,

плясавших вокруг нас.

Представляешь?! Фактически они не сделали ничего для нашего спасения. Даже ничего ободряющего, типа «держись ребята». Но я им до сих пор благодарен, наверное, они нас даже спасли.

– Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, – задумчиво процитировал Жора. – Оказывается, то же самое происходит и с нашими действиями или поступками... На самом деле, изменяя себя, мы изменяем окружающий нас мир?

Я был поражён глубиной Жориного вывода. И главное, сейчас это был не тот человек, который «ударился головой о ёлку», верил в шпионов и рассказывал про крысу с педалькой. Изменить себя, это не значит начать делать зарядку по утрам и лучше с понедельника. Только поступками, которые мы совершаем, мы изменяем мир. Мы не одни в этом мире. Все, что мы делаем оказывает непосредственное влияние на окружающих. И наоборот. Это было просто откровением Святого Георгия (в миру Жоры).

– Давай, выпьем за то, чтобы наши поступки не искривляли окружающее пространство, – растроганно предложил я.

– Давай.

Мы выпили. И Жора, наконец, стал рассказывать о куполе.

– Смотри, ты сам запутался, когда попытался определить, является купол громоотводом (извини, я буду пользоваться

старой терминологией) или нет. Мы все считаем, что громоотвод – это железный прут, торчащий обязательно выше крыши дома, он соединён с землёй и в него должна бить молния. Почему?

Мне лень было вступать в полемику, и Жора ответил за меня.

– Потому что молния всегда бьёт в самые высокие предметы, так нас учили.

– Меня, знаешь, всегда какой вопрос настораживал, – не удержался я, – вот поставлю я громоотвод, и все молнии в округе, которые раньше как-то обходили мою избушку стороной, будут фигачить именно в неё. Какое-то сомнительное удовольствие.

– Совершенно верно, Андрей. К этой мысли я и хотел тебя подвести. С одной стороны, ставя громоотвод, мы провоцируем молнию на разряд, и даже его острый конец служит для концентрации заряда в одной точке. Но с тех самых времён, как был сделан первый громоотвод, уже было известно, что металлическая крыша дома является таким же прекрасным громоотводом, и молния в неё никогда не ударяет. Другой пример. Если над твоей избушкой, как ты выразился, растёт большая берёза, ты можешь спать спокойно. Молния в тебя не ударит.

– Ух ты! Живой громоотвод? Корни в земле, может даже достигают почвенных вод, крона сырая от дождя, – начал я рассуждать, – но древесина то все равно электричество не

проводит?

– Андрей, запомни. Возможно, это когда-нибудь спасёт тебе жизнь. Вода такой же проводник электричества как металл. За исключением дистиллированной, но такой воды в природе нет. Что высасывает растение из почвы своими корнями?

– «Воду с растворенными в ней неорганическими веществами», – отчеканил я из курса Ботаники 4 класса. – Да это же голимый электролит! – вспомнил я, как бывший учитель химии. – Но почему тогда нельзя прятаться под деревьями во время грозы?

– Да потому что, если громоотвод неисправен, или плохо заземлён, ты рискуешь спалить дом во время грозы. Точно так же и с деревом, все зависит от породы, уровня грунтовых вод и самое главное от возраста. Но я не про это. Громоотвод можно рассматривать как способ выравнивания напряжённости электрического поля, по нему заряды стекают в землю. Разность потенциалов снижается и искрового заряда не происходит. То есть он не для того, чтобы молния в него била, а для того чтобы молния не образовывалась в данной точке. Она шмальнёт где-то рядом, но не там, где есть громоотвод. Сняв потенциал с крыши дома своего, ты фактически уравнил его с уровнем земли. А молния ищет изопотенциальные поверхности возвышающихся предметов, которые не заземлены.

– Вот не надо про изопотенциальные, – сказал я. – Все-

таки есть какая-то недоговорённость в твоей теории: есть заряженные небеса, я так полагаю положительно, и есть земля, то ли ноль, то ли минус; а между ними предметы, неизвестно как заряженные. И в них бьёт или не бьёт молния. Почему? Ладно, понятно, когда заземлены – не бьёт, потенциал равен земли. А если это сухое дерево, грубо говоря, диэлектрик, почему в него бьёт?

– Потому что любое вещество проводит электрический ток лучше, чем воздух. Воздух разрежен, в нем мало носителей зарядов. Вспомни стеклянную палочку, которую трут о шёлк. Стекло считается диэлектриком, а заряд стеклянная палочка все равно держит на своей поверхности. Вот поэтому молния ищет любого посредника. И ещё маленький нюанс. В школьном возрасте баловался конденсатором? В розетке зарядил, потом на какой-нибудь железке разрядил. И даже, если совсем никуда не подносить клеммы конденсатора, он через какое-то время все равно разрядится через воздух или собственную изоляцию без всякого искрового заряда. Молния, почему то, тоже считается колебательным зарядом, как конденсатор. Ты не спишь?

– Почти, – лениво сознался я, – хотя конденсатор – штука интересная, и всегда было непонятно, почему нельзя его использовать в качестве накопителя электрической энергии.

– Сейчас, ты у меня проснёшься! – радостно заявил Жора. – Лампы, которые я включал при тебе у себя в бытовке, питаются энергией, запасённой именно в конденсаторах. Хо-

лодильник, кстати тоже, но с ним немного сложнее.

– Да ладно?! – удивился я просыпаясь. – И насколько хватает?

– А неизвестно. Они постоянно подзаряжаются.

– Чем?

– Атмосферным электричеством.

– Вот глядя на ваш купол, я сразу заподозрил именно какую-то такую подобную хрень, – сказал я, вперив взгляд в купол.

– Я тебе хотел с подробностями рассказать, – Жора притворился обиженным, – а ты спишь всю пьесу. Вот и получилось конец и начало.

– Не ври! Я конечно в глубоком переваривании... Но середины точно не было. Давай середину! – потребовал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.